

ЯНТАРЬ

ЛЕВ
И ЗИМНЯЯ
РОЗА

Янтарь

Лев и зимняя Роза

«Автор»

2026

Янтарь

Лев и зимняя Роза / Янтарь — «Автор», 2026

Она успешный тикток-блогер с миллионом подписчиков. Её жизнь — в бесконечной погоне за идеальным кадром, лайками и одобрением незнакомцев. Он бывший филолог, который променял академическую карьеру на старый фургончик с книгами и тишину заснеженного леса. Она сбежала от успеха, а он спрятался от прошлого. Они не должны были встретиться, но иногда, чтобы найти себя, нужно сначала потеряться, а чтобы исцелить свои раны, нужно сначала залечить чужие.— Русреал— Слоубёрн и гринфлаг— Уютно— Послушай, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Я не просил тебя остаться. Я никогда ничего не просил у тебя, кроме одного — чтобы ты выбрала то, что нужно тебе. Понимаешь? Не мне, не Артему, не твоей маме, не подписчикам. Тебе.

© Янтарь, 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. «Как же меня всё достало!» Роза.	5
2. «У меня есть всё, что надо». Лев.	9
3. «Да куда угодно!» Роза.	13
4. «Там сейчас ледяной склеп». Лев.	17
5. «Сколько я вам должна за ночь?» Роза.	22
6. «Шикарный борщ!» Лев.	26
7. «Неплохая фигура для филолога». Роза.	31
8. «Давай попробуем, но есть одно условие». Лев.	37
9. «Ничего личного. Просто надсмотрщик». Роза.	42
10. «У тебя мука на щеке». Лев.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Янтарь

Лев и зимняя Роза

1. «Как же меня всё достало»! Роза.

Холод. Он был повсюду. Не просто новогодний, «атмосферный» холод, который должен был выглядеть на кадрах уютно. Нет. Это был пронизывающий, злой мороз, который заставлял зубы стучать и пробирался сквозь белоснежный пуховик, подаренный дорогим брендом ради рекламы среди подписчиков.

Я стояла на жалком пригорке за домом, который Артем с пафосом назвал «идеальной локацией для вайба». В руках у меня были древние, покосившиеся санки, веревка от которых больно впивалась в пальцы даже через тонкие кожаные перчатки. «Аксессуар, Роза, это аксессуар!» — кричал он, когда я попыталась выбросить их из кадра. И вот уже пятый дубль

— Мотор! Роза, поехали! Смех, радость, детство, ха-ха-ха! — голос Артема привычно резал тишину заснеженной деревни.

Я оттолкнулась, санки скользнули вниз. Я изобразила на лице что-то среднее между восторгом и легкой боязнью высоты. Щеки задеревенели от постоянной улыбки. В животе ворочался тяжелый камень усталости.

— Стоп! — раздалось, когда я даже ещё не съехала до конца.

Артем уже бежал ко мне, размахивая планшетом.

— Опять этот взгляд! Куда ты смотришь? В камеру, блин, надо, в камеру! А не в снег под ногами! Ты же не дебит с кредитом сводишь, ты катаешься с горки! Еще раз давай, Роза, и чтоб с огоньком!

Я молча кивнула, поволокла санки вверх. «С огоньком». Где-то там, глубоко внутри, и правда что-то тлело. Но это был не огонек радости, а медленно догорающий фитиль, ведущий к пороховой бочке. И он становился короче с каждым дублем.

Чуть позже ко мне подвели лошадь. Большую такую, темно-коричневую, с грустными глазами. Ее привезли сюда специально, за полчаса до съемки. Она нервно переступала с ноги на ногу, пугаясь каждого резкого звука. Мне тоже хотелось переступить с ноги на ногу, но вместо этого мне выдали морковку.

— Подойди, покорми с руки, погладь. Умиление, единение с природой, вся эта фигня, — инструктировал Артем. — И не тряслись ты так, она не кусается.

Но я тряслась. Лошади красивые только на картинках, а в реальности она мне запросто копытом голову проломить может. Не умею я с лошадьми. Моя природа — это студия с софтбоксами и городской парк, а не эта огромная, пахнущая потом и сеном тварь. Я протянула руку. Лошадь резко дернула головой, выхватывая морковку губами, между которыми отчётливо были видны крупные желтоватые зубы. Я взвизгнула от неожиданности и отпрыгнула.

— Камера! Снимаем! Естественная реакция! — радостно завопил Артем.

Лошадь от его крика тоже дернулась и наложила вонючих «яблок», а команда захихикала. Мое лицо, искаженное испугом, было увековечено оператором и памятью помощников. Потом пришлось делать еще парочку нормальных дублей «умиления». «единения». Я гладила жесткую шерсть на шее, а внутри меня все выло. Я была клоуном в дорогой куртке.

После лошади пришел черед дров. Артем сверился с расписанием и деловито указал на охапку сырых, колючих поленьев.

— Их надо поднять и нести к той поленнице, да с таким видом, будто ты только что нарубила их своими ручками для милого рождественского камина. Хозяйка, понимаешь? Уютная такая вся, хозяйственная хозяйюшка.

— В белом пуховике прям рубила? — Я скептически подняла бровь.

— Ага, — хохотнул Артём, — лакшери хозяйюшка.

Поленья были тяжелые и грязные, а кора цепляла белую ткань на рукавах. Я видела все эти зацепки и грязные разводы и усиленно пыталась думать о мандаринах, как советовал Артем. Проблема была в том, что мандарины я уже ненавидела. А их липкий сладкий запах теперь навсегда будет ассоциироваться у меня только с этим адом сегодняшних съемок.

После каждого дубля Артем подлетал и совал мне под нос планшет с расписанием.

— Свет, Роза, свет! Солнце уже почти село! Быстрее надо!

Или:

— Больше энергии! Ты же спишь на ходу! Скоро же праздник, ё-моё!

И самое обидное:

— Взгляд у тебя, Роза, пустой, как у выпотрошенной рыбы! Наполни его смыслом! Думай о подарках! О любви! О чем угодно!

Я кивала. Кивала и думала, что мой взгляд – это и есть точное отражение моей внутренней самообобщения. Пустота. Выпотрошенная рыба. Артем, как всегда, был прав в своей грубой, артемовской манере.

Когда мы закончили, я выдохнула, мечтая о спокойном вечере в номере местного отеля. И чтобы тишина, ванна с пеной и много горячего глинтвейна. Но нет. Артема напоследок «осенило», и он, сияя от собственной креативности, схватил меня за локоть и потащил к забору.

— Слу-у-ушай, Роза. Видишь сугроб? Пушистый, прямо как на открытке. Давай еще сделаем несколько кадров на фоне заката. Ты бежишь по улице, оглядываешься на нас, улыбаешься, потом — бац! — мило спотыкаешься и падаешь в него. Идеально! Естественно! Будто ты так радуешься зиме, что несешься сломя голову!

Я тупо посмотрела на сугроб. Он действительно был красивый. И высокий. А я уже промокла насквозь и чувствовала, как холод сковал ноги.

— Артем, я мокрая. Я замерзла. Давай сегодня уже без падений, а?

Мой голос прозвучал хрипло и слабо, почти умоляюще.

Его лицо помрачнело.

— Розы, не начинай. Это хайп! «Блогер упала в сугроб» — это же живенько, человечно! Все уже устали от гламурного глянца. Покажи, что ты живая, что с тобой можно вот так, попростому! Один дубль, и все! Вся команда уже замерзла из-за твоих раскачек, не тяни!

В его голосе звучала привычная смесь уговоров и шантажа. «Вся команда». Я посмотрела на съемочную группу. Они кутались в куртки, переминались с ноги на ногу, смотрели на меня усталыми, ничего не выражающими глазами. Они тоже хотели поскорее закончить. Спорить было бесполезно.

— Ну хорошо, — сказала я безжизненно. — Давай.

— Отлично! Все, готовьтесь! Розы, на исходную!

Я отошла на несколько шагов и стянула шапку. Глубокий вдох. Морозный воздух обжигал легкие. Я представила, как должна выглядеть: легкая, счастливая, ветер в волосах. А внутри была только тяжесть и желание провалиться сквозь землю.

— Мотор!

Я рванула с места. Мои модные ботинки, абсолютно не предназначенные для снега, скользили по утопанной дороге. Я пыталась изобразить на лице эту дурацкую, легкую улыбку, оглянулась через плечо на команду. И в этот момент нога на полном ходу угодила в невидимую под снегом колею. Все произошло слишком быстро и слишком реально. Я не успела сгруппироваться, не успела «упасть красиво», а вместо этого с размаху, шлепнулась в этот идеальный сугроб. Снег мгновенно забился за воротник, под куртку. Обжигающий холод добрался до кожи. Я лежала, зарывшись лицом в снежную массу, и слышала, как воцарилась тишина.

А потом пришел хохот и аплодисменты. Сначала одинокий смешок. Потом еще один. И вот уже все веселились — оператор, визажистка, ассистенты. Голос Артема, полный неподдельного веселья, прозвучал совсем рядом:

— Вау, вот это натурально получилось! Почти как в жизни!

Оператор защелкал фотоаппаратом. У меня же от этих звуков было полное ощущение, что меня не снимали, а расстреливали из винтовки. В этот момент что-то внутри перегорело, с очередных тихим шелком. Месяцы накопленной усталости, чувство, что я всего лишь марионетка, над которой смеются, когда нитки рвутся — все это слилось воедино. Система «терпи ради подписчиков и делай вид» дала сбой. Сервер отключился.

Я двинулась. Резко, некрасиво, отталкиваясь локтями от проваливающегося снега. Поднялась. Остатки сугроба сыпались с меня, куртка висела тяжелым, мокрым мешком. Волосы прилипли к щеке. Я не смотрела ни на кого. Просто стояла и отряхивалась, сбивая снег с рукавов грубыми, рубящими движениями.

— Вот классно вышло, молодец! Можешь же, когда хочешь, а? — Артем уже был рядом, его лицо сияло восторгом. Он не видел ничего, кроме удачного кадра. — А давай еще

— Всё.

Слово вырвалось тихим, хриплым выдохом. Я сама его почти не услышала.

Артем замер, улыбка сползла с его лица.

— Что? Что «всё»? Ты куда? Розы, дубль был классный, но можно же еще пару ракурсов, закат ведь

Я обернулась и посмотрела на него. Не знаю, что он увидел в моем лице. Никакой злобы там не было. Только пустота, доведенная до предела.

— Я сказала — всё! — Мой голос сорвался. — Хватит!

Его глаза округлились от недоумения, а потом в них мелькнула знакомая раздраженная искра. Но я уже развернулась и пошла прочь. Не побежала. Побег — это для тех, кто боится. Я же просто шла. Быстрым, ровным, решительным шагом, сметая остатки снега с куртки. Я прошагала мимо замершей съемочной группы, мимо микроавтобуса с логотипом тура, мимо этой дурацкой лошади. Я шла, не разбирая дороги, и только свист ветра в ушах постепенно заглушал доносившийся сзади голос Артема:

— Розы! Розы, ты куда? Эй! Ты вообще слышишь меня?

Я слышала. Но это больше не имело значения. Единственное, что имело значение сейчас — это уйти.

2. «У меня есть всё, что надо». Лев.

Тишина разбудила меня раньше будильника. Не та напряженная тишина города, которая всегда чем-то заполнена — гулом машин за окном, шагами соседей сверху. А абсолютная звонкая тишина природы за окном. Ее нарушало только тихое, неравномерное потрескивание в печи — остывали вчерашние дрова, прощаясь с теплом. Я лежал с закрытыми глазами, не двигаясь. Холодный воздух спальни щекотал лицо, но под толстым одеялом, сшитым еще бабушкой, тело хранило уютное тепло. Я глубоко вдохнул. Пахло деревом, чуть морозной сыростью и да, бумагой. Всегда бумагой. Этот слабый, пыльный запах старых страниц был фоном всей моей жизни здесь, в бабушкином доме.

Впрочем, все ухищрения оказались напрасными — Мотя впрыгнул на кровать и стал бодать меня в шею и плечо. Не знаю, как он это понимал — по дыханию что ли? — но ни разу у меня не получалось притвориться спящим и продлить утреннюю негу. Да уж, время кормить кота!

Я скинул одеяло, сел на край кровати. Пол под босыми ногами был ледяным. Я нащупал грубые шерстяные носки, аккуратно натянул их, сначала на одну ногу, потом на другую. Я не зажигал свет, пройдя по знакомому маршруту из спальни в небольшую прихожую, а оттуда — в главную комнату, служившую и гостиной, и кухней, и библиотекой. Мотя старательно мешался под ногами и басовито урчал. Окно, затянутое ночным бархатом, постепенно проступало из мрака, очерчивая квадрат чуть менее черного пространства. Рассвет ещё только намечался.

Я достал ручную мельницу, насыпал горсть зерен

— Мяф! — недовольно пробасил Мотя, вставая на задние лапы и вытягиваясь во всю длину своего мохнатого рыжего тела.

— Да, приятель, неправ спросони, — ухмыльнулся я, почесывая представленную голову. — Сейчас исправлюсь.

Молоко перекечевало из холодильника на стол, и вскоре Мотя самозабвенно лакал его из миски.

— Теперь после важных кошачьих дел можно и к человеческим глупостям приступить, — сообщил я вслух. И кот мурлыкнул что-то одобрителное в перерывах между чавканьем.

Ручка мельницы вращалась с глухим, размеренным скрежетом, наполняя тишину ритмичным живым звуком. Запах — сначала еле ощутимый, сухой, потом, по мере помола, насыщенный, горьковатый — разлился по комнате. Всыпав порошок в турку, я добавил щепотку соли, долил холодной воды из кувшина и поставил на самый маленький огонь. Теперь оставалось ждать.

Прислонившись к притолоке, я смотрел в окно. Сначала в стекле отражалась только моя темная фигура и оранжевый язычок пламени. Но постепенно, минута за минутой, чернота за окном начала меняться. Она стала глубокой, бархатно-синей, затем по краю горизонта проступила тонкая сиреневая кайма. Снег, укрывавший двор и дальнее поле, из черной пустоты превратился в синее марево, а потом, когда сиреневое зарево поползло вверх, в розовое, перламутровое покрывало. Я наблюдал, как всегда, за этим преобразованием, чувствуя, как вместе со светом возвращается спокойствие, ощущение контроля. Здесь, в этой тишине, я был хозяином своего мира. Никаких неожиданностей. Только я, кофе и наступающий день.

Когда кофе начал подниматься пеной к самому краю, я снял турку, дал ей секунду отстояться и перелил в толстую керамическую кружку. Тепло первого глотка разлилось по груди. Я взял с полки потрепанный блокнот и откинул обложку.

— Что у нас сегодня? Деревня Ключи — «Крутые наследники» Донцовой для тете Лиды и «Тимур и его команда» для ее внука, Сергея. Село Горелово — томик Мандельштама для Семёныча

Мотя запрыгнул на второй стул у стола и принялся самозабвенно умываться. Я протянул руку и почесал его за ухом.

— и хутор у озера Медовое — «Удивительное путешествие кролика Эдварда» ДиКамилло.

— Мяф? — удивился Мотя.

— Поверь мне, ты бы не хотел попутешествовать вместе с тем кроликом, — хохотнул я. — Жизнь его нещадно потрепала.

После кофе я ещё раз сверился с блокнотом, проверяя полки в кладовке, и вытащил нужные книги. А затем вышел во двор. Воздух укусил за щеки, обжег легкие — свежо, резко, по-настоящему. Морозец. Я обошел потёртый фургончик, попинал колеса — все в порядке. Взяв метлу на длинной ручке, смахнул снег насыпавшийся за ночь, открывая надпись «Старая книга» на зеленом боку.

Иногда мне заказывали книги, и я, конечно, доставлял нужные издания с оказией — вот как сегодня тете Лиде в Ключи и остальным. Но в основном продавал то, что было в наличии — расставлено на полках, которые я собрал и разместил внутри фургончика. В небольших областных деревушках и сёлах не было книжных магазинов — в лучшем случае продуктовый магазин, почта, отделение сбербанка. Так что перебравшись в бабушкин дом я придумал себе такое занятие — ездить по маршруту и продавать старые книги, которые заказывал у букинистов. Кое-где правда были пункты доставки вездесущих маркетплейсов — но их услугами пользовалась в основном молодежь, да и цены на новые книги кусались. А за мои старые издания я много не просил, в конце концов это был не основной мой источник заработка.

Я счистил с фар и лобового стекла тонкую, игольчатую наледь и сел за руль. Ключ повернулся с привычным скрежетом. Двигатель кашлянул, затрепетал и завелся с низким, ворчливым урчанием. Я дал ему прогреться, глядя на панель. Рядом со спидометром — маленькая черно-белая фотография. Отец улыбается за рулем грузовика. Я дотронулся до холодного картонка фотографии подушечкой пальца, на удачу, как всегда делал.

— Ну что, поехали? — пробормотал я и включил первую передачу.

Фургончик, потряхиваясь, выбрался с моего участка на проселочную дорогу. Асфальта здесь не было, сколько себя помню, только укатанный снег и колеи. Но я знал каждую выбоину. За окном поплыли темные стены соснового леса. Деревья стояли неподвижные, тяжелые от снега, как молчаливые стражи этого мира. Я включил радио. Из динамиков полился тихий, меланхоличный саксофон Колтрэйна. В салоне было тепло от печки, густо пахло бензином, старой кожей сидений, кофе из термоса и, конечно, бумагой. Это был мой кокон. Движение, дорога, музыка — идеальная медитация.

Когда солнце уже золотило верхушки сосен, зазвонил телефон. На экране гарнитуры — «Славка Коршунов». Я вздохнул. С Коршуновым я учился в университете — два единственных парня на весь курс филфака просто обречены были держаться вместе. Да и после окончания мы остались добрыми друзьями.

— Привет, Слав. Чего не спится? — сказал я в микрофон.

— Лёвик! — Голос в трубке звучал бодро и слегка запыхавшись, словно Слава бежал куда-то. — Да поспишь тут, как же Помнишь, рассказывал тебе, что по дурости согласился помочь с новогодним концертом в школе?

— Да, было дело. Ты же там вроде только насчёт костюмов консультировал

— Да если бы Нашим дай палец, они пол руки отхватят! Ладно, — Он вздохнул. — Я не по этому поводу звоню. Нашу завкафедры помнишь? Ирину Петровну Семёнову.

Образ строгой женщины с пучком седых волос и неожиданно живыми, цепкими глазами встал передо мной так явственно, будто я сидел не в кабине фургона, а снова на её семинаре.

— Ну, конечно, на память-то не жалуюсь, — ответил я, прибавляя газ на ровном участке. — А чего ты про нее?

— Да вот вчера встретились случайно. Всё такая же, стальная леди. Узнала меня сразу, прижала к стенке и давай выпрашивать: «А где ваш блестящий одноклассник, Лев Орлов? Куда он пропал?» И так качает головой, вздыхает: «Передайте ему, что его место на кафедре всё еще пустует. Такая голова». Очень драматично было, я тебе скажу.

Раздражение, кислое и знакомое, кольнуло под ложечкой.

— Я никуда не пропадал, Слава. Наоборот, я на своем месте.

— На своем месте, — передразнил он меня. — В фургончике, между Сосново и куда ты там едешь?

— С чего ты взял, что еду? — проворчал я недовольно.

— Да слышу, Лёвик, слышу. Ну вообще вот, я и подумал после разговора с Ириной Петровной. Может ты всё-таки?..

— Не начинай, — оборвал я его. Спокойно, но так, чтобы он услышал.

— Да очнись ты! Ты же мог бы

— У меня есть всё, что мне нужно.

В трубке повисла пауза. Я знал, что он не отстанет. Слава был как бульдог: вцепится и не отпускает.

— Ну ладно, ладно, — сказал он наконец, но в его голосе появились знакомые ехидные нотки. — Не буду тебя трогать. Тем более какой смысл, если ты все равно ничего менять не захочешь. Как обычно.

Я молчал, глядя на дорогу. Но пальцы на руле вдруг похолодели.

— Как тогда, с Алисой, — не выдержав паузы, выпалил Слава. — Очень знакомая история. Очень.

Последние слова он произнес с особым, ядовитым ударением. Меня будто ударили под дых. Воздух резко ушел из легких. Не лицо Алисы всплыло в памяти — я с трудом мог вспомнить его четко. Всплыло ощущение. Холодный кабинет кафедры, поздний вечер, стопка распечатанных листов с моей работой, в которую я вложил всё. И ее силуэт у окна. Она что-то говорила о «необходимости учитывать реалии», а я смотрел на ее спину и понимал, что между нами уже выросла ледяная стена, после того, как она перешла черту.

— Слава. — Мой голос прозвучал хрипло, я прочистил горло. — Не надо.

— Ладно, — он вдруг сдался, услышав что-то в моей интонации. — Не буду. Сам всё знаешь. Береги себя.

Связь прервалась. Я дернул гарнитуру с уха и швырнул ее на пассажирское сиденье. Потом потянулся и выключил Колтрэйна. Наступила оглушительная тишина, нарушаемая только воем двигателя и шумом колес. Утро было безвозвратно испорчено. Нет, не испорчено — уничтожено. Я смотрел на дорогу, но не видел ни сияющего снега на соснах, ни играющего в лучах солнца инея.

Я ехал на автопилоте. Руки сами выполняли движения, ноги переключали передачи. Но внутри была пустота, залитая кислотой старой, но почему-то яркой боли.

3. «Да куда угодно!» Роза.

Раскинув руки, я лежала на кровати и бездумно пялилась в потолок. Он был белым, безликим, с обычной штампованной лепниной по центру в виде какой-то безвкусной розетки. На стене темно-бордовый ковер с советским калейдоскопом завитушек, массивный полированный шкаф и письменный стол у окна. В углу — дверь в ванную. Это был самый дорогой номер в самой приличной гостинице областного центра. «Лучший вид на город», как гласила брошюра. Вид, правда, открывался на серые панельные дома, засыпанные грязноватым снегом, и на бесконечные провода, растянутые между столбами.

Я приподнялась на локте и потянулась к телефону на тумбочке, отключила его от зарядки. Экран вспыхнул, ослепив в полумраке комнаты. Уведомлений — девяносто семь. Большинство — комментарии под последним постом. Я машинально открыла ТикТок. Мой аккаунт, «Rosy Escape», с аккуратными пятьюстами двадцатью тысячами подписчиков. На аватарке — я в прошлогодней поездке в Норвегию, улыбаюсь в камеру, за спиной — фьорды. Выглядело это как обещание: подписывайся, и твоя жизнь тоже станет такой же красивой и насыщенной.

Последний пост был вчера. Я на фоне деревянной, будто игрушечной церкви в одной из окрестных деревень. На мне — та самая белая пуховая куртка от спонсора, шапка-ушанка с помпоном (тоже спонсорская), в руках — связка баранок. Подпись: «Атмосфера настоящего русского Рождества! Чувствуете запах хвои и мандаринов? Скоро расскажу вам всё об этом волшебном месте! #зима2025 #рождествовроссии #уездныйгородок #россиязимой».

Охват — полмиллиона просмотров. Лайков — под сто тысяч. Комментарии:

- Какая красота!
- Розы, ты красотка!
- Хочу туда!
- Блин, так классно!
- А где это?

Люди верили картинке. Они покупались на этот тщательно выстроенный образ уютной, аутентичной, «настоящей» зимы. А я, создательница этого образа, сидела в холодном, бездушном номере провинциальной гостиницы и чувствовала, что внутри меня — пустота.

Этот тур подходил к концу, как собственной и декабрь. «Русская зима: от Москвы до самых окраин» — идея казалась блестящей: показать красоту родной страны, уйти от гламурных столичных съемок к чему-то более душевному, поднять патриотичные темы, сотрудничать с локальными брендами. Артем, мой продюсер, схватился за эту идею обеими руками.

— Это же золотая жила, Розы! — восторгался он. — Народ устал от заграницы, хочет родного, нативного! Ты будешь первой!

И мы все распланировали. Правда сейчас, на шестой точке маршрута, я уже понимала, что это «нативное» лично для меня означало бесконечные переезды на разбитых микроавтобусах, ледяной ветер, пробивающий насквозь даже самую дорогую одежду, и необходимость постоянно, каждую секунду, изображать на лице восторг. Даже когда не выпалась. Даже когда болела голова.

Я медленно встала с кровати, подошла к окну. За тонким стеклом клубился морозный пар. Город окутывали сумерки, зажигались фонари, кое-где мелькали огоньки машин. Где-то там, в этих одинаковых коробках, люди жили своей обычной жизнью. Ходили на работу, ссорились, мирились, готовили ужин, смотрели телевизор. У них не было необходимости выкладывать на всеобщее обозрение каждую минуту своей жизни. Иногда, в особенно темные моменты, у меня мелькала мысль: а зачем всё это? Что будет, если я просто возьму и исчезну? Удалю аккаунт, сменю номер телефона и уеду куда-нибудь, где меня никто не знает. Но эта мысль тут

же наталкивалась на железную стену реальности. Во-первых, тикток кормил меня, и кормил очень хорошо. Я привыкла к определенному уровню жизни, к возможности покупать то, что хочу, не думая о цене. Во-вторых, вокруг этого блога выросла целая индустрия: контракты, обязательства, команда, которая от меня зависела. И в-третьих, Артем. Он вложил в меня свое время, деньги, связи. И он выжимал из этой инвестиции все соки, не оставляя мне права на слабость.

В дверь номера постучали.

— Лёгко на помине! — проворчала я, поворачиваясь от окна.

Артем не стал долго ждать — распахнул дверь и пронесся по номеру, скидывая пальто на спинку кресла. Лицо его было красно от холода или ярости — я не могла определить.

— Ну и куда ты сбежала? — начал он, даже не поздоровавшись. Его голос резал тишину, как нож. — У нас, между прочим, локация не до конца отработана осталась.

Я молча смотрела на него, чувствуя, как усталость начинает медленно закипать, превращаясь в раздражение.

— Я устала, Артем. Мне нужна передышка.

— Ты что, не смотрела статистику? — отрезал он, подходя ближе. От него пахло морозом и кофе. — Вчерашний пост дал отличный охват, но вовлеченность просела! Людям мало одной церкви! Им нужна динамика, движение, эмоции! Завтра у нас плотный график: сначала рынок, где ты пробуешь местные соленья, потом поездка в пригород, в гончарную мастерскую — где ты лепишь горшок. А вечером

— Артем, — я перебила его, и мой голос прозвучал хрипло. — У меня болит голова. Обязательно обсуждать это сейчас? И вообще я бы хотела что-нибудь из запланированного отменить.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то на неизвестном языке.

— Отменить? — Он сделал паузу для драматического эффекта. — Розы, ты в своем уме? Туда уже выехала съемочная группа, там договоренность с мастерами, которые ждут только нас! Ты хочешь, чтобы подписчики получили в ленту пустоту? Ты знаешь, как быстро они забывают?

— Я знаю, — прошептала я. — Я всё знаю. Но я не могу, ты понимаешь? Не могу!

Его лицо исказилось.

— Ах, вот как? Не можешь? — Он заговорил медленнее, но каждое слово било, как хлыст. — А кто может, Розы? Кто подписывал контракты? Это не я придумал «Rosy Escape»! Это твоё детище! И сейчас не время капризничать! Ты думаешь, я не устаю? Вся команда не устает? Но мы работаем! Потому что это работа! А не хобби для богатых девочек!

Это было слишком. Эти слова, этот тон, месяцы накопленного давления — всё это взорвалось во мне белой, холодной вспышкой.

— Не смей так со мной разговаривать! — крикнула я, и мой голос сорвался на высокой ноте. — Я не рабыня! И не кукла! Я живой человек, которому нужен отдых! Хотя бы один день

— Отдых? — он фыркнул. — Отдохнешь после тура. В январе.

Далее я действовала на автомате, почти не думая. Сорвала с вешалки свой пуховик и натянула не глядя. Сунула ноги в угги, схватила с тумбочки сумочку на длинном ремне. Я выскочила из номера и почти побежала по длинному коридору к лифтам. Мысли путались, в голове стучало одно: прочь. Прочь отсюда. Лифт, медленно и скрипя, доставил меня на первый этаж. В лобби пахло хлоркой и дешевым освежителем. За стойкой администратора дремала женщина в униформе. Я прошмыгнула мимо, к дверям. На улице был колючий, пронизывающий холод. Я судорожно застегнула пуховик на молнию.

Первой моей мыслью было найти бар. Какое-нибудь темное, тихое место, где можно спрятаться, выпить чего-нибудь крепкого и просто не думать. Я оглянулась. На улице было людно. Ранний вечер, будний день. И тут я увидела такси. Старая, серая иномарка с шашечкой на

крыше стояла прямо у тротуара, в двадцати метрах от входа в гостиницу. Из выхлопной трубы валил густой белый пар. Водитель, видимо, кого-то ждал, лениво листая что-то на телефоне.

Я не раздумывала ни секунды. Импульс, острый и безрассудный, толкнул меня вперед. Я подошла к машине, рывком открыла заднюю дверь и шлепнулась на холодное кожаное сиденье.

Водитель, мужчина лет пятидесяти с усталым, обветренным лицом, обернулся:

— В Сосново едем, девушка?

— Да, это я заказывала, — выпалила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Поехали, пожалуйста.

Он кивнул, и машина мягко тронулась с места. Сосново? Я даже не знала, где это. Но пусть будет Сосново, мне без разницы. И я вновь погрузилась в свои мысли, глядя в окно на проплывающие мимо серые дома.

Дорога заняла около сорока минут. Я молчала, уставившись в одну точку. Водитель пару раз попытался заговорить о погоде, но, не получив ответа, тоже умолк, лишь изредка покрывавая. Мы миновали окраины города, потом потянулись поля, занесенные белым, неровным снегом, редкие перелески. В голове у меня была каша. Что я делаю? Куда еду? Что будет дальше? Но рациональные вопросы тонули в одной, всепоглощающей потребности — бежать. Чем дальше, тем лучше.

Наконец, такси свернуло с трассы и, попетляв некоторое время по лабиринтам, остановилось у пятиэтажки.

— Приехали по вашему адресу. — Водитель кивнул на экран своего навигатора, и я вынырнула из своих мыслей.

Я посмотрела на дом, к которому мы подъехали. Обычная панелька, ничем не примечательная. У меня не было ни малейшего представления, кто в нем живет.

— Э-э-э да, — соврала я. — Это это дом моей подруги. Она выйдет сейчас. Подождем немного.

— Ждать — это три рубля минута по счетчику.

— Хорошо, хорошо, — пробормотала я, лихорадочно вытаскивая телефон. На экран посыпались уведомления — пропущенные звонки от Артема, сообщения. Я проигнорировала всё, открыла браузер и начала судорожно искать: «жилье посуточно Сосново», «гостиница», «снять комнату». Ничего. Абсолютно ничего. Только объявления из областного центра, откуда я только что приехала. Я расширила радиус поиска. Область, соседние поселки. Ничего свободного. Все было занято под Новый год.

— Ну что там, долго ещё? — недовольно спросил водитель, постукивая пальцами по рулю. — Давно уже ждем. Мне ещё рейсы делать.

— Сейчас, секундочку, — мои пальцы дрожали, я с трудом попадала по буквам. — Она задерживается. Связь плохая.

Я уже почти отчаялась, когда в самом конце списка, нашла объявление. Фотография небольшого домика и текст: «Сдается гостевой дом. Тишина, покой, сосновый бор, свежий воздух. Сосново, улица Лесная, 15».

То, что надо.

— Подруга не выйдет. Поедем дальше по другому адресу, — сказала я, стараясь звучать уверенно. — Сосново, Лесная, 15. Знаете, где это?

Водитель что-то буркнул себе под нос, явно раздраженный, но вбил новый адрес в навигатор. Машина развернулась и поехала обратно, к развилке, а потом свернула на еще более узкую, заснеженную дорогу, уходящую в темный, густой сосновый лес.

4. «Там сейчас ледяной склеп». Лев.

Вернувшись, я загнал «Старую книгу» на участок, просто заглушил двигатель и некоторое время сидел в кабине. Потом побрёл в дом. Я сварил гречневую кашу, съел её, стоя у плиты, почти не чувствуя вкуса. Потом помыл единственную тарелку и кружку, вытер насухо и поставил на полку. Когда на кухне снова воцарился идеальный, стерильный порядок, я налил себе чаю — крепкого, травяного, с иван-чаем и чабрецом, собранными летом в бору. С кружкой в руках я отправился в кабинет — пора было приниматься за работу.

Стоило сесть в кресло перед компьютером, как на колени сразу прыгнул Мотя, мой рыжий, пушистый сгусток лени. Он уткнулся мордой мне в локоть, требуя почёсывания за ухом, и заурчал, как маленький, неисправный моторчик. Я гладил его теплую шерсть, открыв рабочую почту и просматривая письма. Привычная рутина затянула, отвлекла от дурных мыслей, и я сам не заметил, как прошел остаток дня.

Когда за окном уже сгустились сумерки, я наконец закрыл ноутбук и потянулся. В издательстве, где я работал редактором, в конце декабря был настоящий аврал. Как, впрочем, наверняка и везде.

Я уже собирался чистить зубы, когда снаружи, сквозь двойные утепленные рамы, донёлся звук. Неясный, но чужеродный. Я замер, прислушиваясь. Как будто машина у ворот затормозила — странно, до моего дома так поздно вечером обычно не доезжали, некому. Но видимо сегодня все же кто-то доехал: раздался настойчивый, резкий звонок. Сердце ёкнуло — не страх, а раздражение. Кто, чёрт возьми, в такой час? Мотя недовольно поднял голову в кресле и уставился на меня.

— Сам в шоке, приятель! — сообщил я ему. — Кажется, кто-то заблудился. Как же не хочется на мороз идти

Мотя тоже недовольно повел ушами и спрыгнул с кресла, скрывшись в темноте коридора, откуда раздался ещё один звонок.

— Но видимо придется, там кто-то настойчивый.

Я вздохнул и пошел обуваться. Сунул ноги в угги, накинул висевшую на вешалке у двери дублёнку. Пока я добрался до ворот, звонок раздался ещё трижды. Распахнув тяжелую деревянную дверь, я увидел на пороге молодую девушку, лет, может, двадцати пяти. Залитая жёлтым светом фонаря во дворе, она стояла в белом пуховике, с небольшой сумочкой через плечо. Лицо бледное, почти прозрачное, с огромными глазами, в которых плескалась такая паника и отчаяние, что мне стало не по себе. За её спиной, на дороге, разворачивалось такси, уже готовое исчезнуть в ночи.

— Добрый вечер! Я уж думала никого нет, — выдохнула она, и голос её срывался, как тонкая струна. — Я насчёт аренды гостевого дома.

Я смотрел на неё, медленно соображая. Гостевой дом. А, да. Летний домик. Я действительно сдавал его приезжим — но это летом.

— Сейчас? — нахмурился я, машинально придерживая дверь. — Он только летом сдаётся.

— Но я забронировала на сайте.

— На следующее лето? — уточнил я, окончательно сбитый с толку.

— На сегодня и завтра. Два часа назад

— Девушка, там наверное сбилось что-то на сайте. Сейчас ничего не сдаётся.

Я говорил медленно, стараясь быть максимально понятным, но видел, что слова до неё не доходят. Она смотрела куда-то мимо меня, плечи мелко, часто вздрагивали. Такси, между тем, развернулось и, пыхнув выхлопом, покатило прочь, оставляя нас вдвоём в звонкой, морозной тишине. Девушка обернулась, посмотрела на удаляющиеся огоньки, и в её глазах мельк-

нуло что-то вроде животного ужаса. Она осталась одна. В глуши. У незнакомого мужчины. Без обратного транспорта.

— Как это не сдается?! — практически взвизгнула она. — Я ведь предоплату сразу внесла.

— Да поймите вы, гостевой домик зимой не отапливается. Там сейчас ледяной склеп, а не жильё. Вот, можете сами посмотреть.

И я шагнул назад, во двор, и указал рукой на заваленный снегом гостевой дом. Это был по сути небольшой сарайчик с удобствами. Не супер условия, но желающие пожить недельку другую летом всегда находились.

— Пожалуйста, — прошептала она, и этот шёпот был страшнее крика. — Мне просто нужно переночевать. Я утром уеду. Я заплачу. Любые деньги.

У меня появилось ощущение, что она на грани. На самой кромке. Ещё чуть-чуть — и либо истерика, либо просто рухнет тут же, на пороге. Я видел таких людей. Не часто, но видел. Уставших от себя, от жизни, загнанных в угол. В её глазах была та же потерянности, что и у раненого зверя, который уже не может бежать.

Внутри что-то перевернулось. Мои собственные проблемы вдруг показались мне глупыми, надуманными, книжными. Здесь же, передо мной, была настоящая, живая боль. И она стучалась в мою дверь в десять вечера, в двадцатиградусный мороз.

Я отступил на шаг, распахнув дверь калитки шире.

— Да не в деньгах же дело... Входите, — сказал я просто. — Я вам покажу.

Она колебалась секунду, будто не веря, что дверь открылась. Потом шмыгнула внутрь, как мышь в нору. Я закрыл ворота, отсекая темноту улицы, и зашагал к гостевому дому. Дорожка к нему была не расчищена, так что я проваливался в снег почти по колено. Незнакомка пыхтела сразу за мной, тоже пробираясь по снегу. У домика я остановился, включил свет на крыльце и взял лопату, прислоненную к стене.

— Я бы с радостью вам его сдал, мне не жалко. Но как видите, зимой тут жить невозможно, — произнес я, разгребая снег от входной двери. — Я сейчас дверь откопаю, и сами поймёте.

Через несколько минут мне удалось пробиться внутрь, и вспыхнувшая лампа осветила небольшое пространство гостевого дома. После последних арендаторов, которые съехали в октябре, я прибрался и с тех пор не входил. Так что дом и сейчас сиял нежилой чистотой, но температура внутри была примерно такая же, как и на улице.

— Теперь понимаете, что я имею в виду?

Девушка зябко поежилась, несмотря на пуховик, и грустно выдохнула облачко белого пара. А вот мне было жарко после махания лопатой. Я взглянул на её бледное лицо, на побелев-

шие от холода пальцы, сжимающие ремень сумки, и предложил: — Идем в дом тогда. Зря вы такси отпустили, новая машина не быстро сюда доедет, за это время на улице околеть можно.

Когда мы вошли в прихожую, я скинул верхнюю одежду и пошел ставить чайник.

— Я Лев. Проходите. Чай будете?

— Роза, — сообщила она мне в спину. — Меня зовут Роза. Да, от чая не откажусь, спасибо.

Пока я возился у плиты, Роза разулась и аккуратно присела на край диванчика. Я поставил перед ней кружку.

— Ну что? Получилось?

Она со вздохом отложила телефон.

— Поздно уже, никто не хочет ехать по этому адресу. Говорят, далеко. Но я оставила заявку, оператор обещала перезвонить.

Я побарабанил пальцами по столешнице и взглянул на часы. Да уж, ситуация. На кухню, важно ступая, вошел Мотя и сразу направился к госте, по хозяйски встал на задние лапы и оперся передними ей на колени. Роза замерла, восторженно на него уставившись.

— Вот это красавец! Как его зовут?

— Бегемот, это Роза. Роза, это Бегемот. — Я церемонно представил их друг другу. — Сокращенно Мотя.

— А вы читать любите?

— В смысле?

— Ну это же как у Булгакова, да? Кот Бегемот?

— Точно, — улыбнулся я. Почему-то стало приятно, что эта незнакомка, которую я вряд ли вновь увижу, поняла отсылку. — Люблю «Мастера и Маргариту».

— Ну здравствуй, Мотя, можно тебя погладить?

Роза аккуратно протянула руку, и кот деловито её обнюхал, а затем подставил лоб для почесывания.

— Мяф! — заявил он, и Роза тоже улыбнулась.

— Ну надо же, еще и отвечает. Молодец какой!

Спустя полчаса и три кружки чая, оператор такси так и не перезвонил. Стрелки на часах неумолимо ползли вперед, очень хотелось спать. И я решился.

— Знаете, Роза у меня есть свободная комната наверху. Чистая. Тёплая. И чай, кстати, ещё есть. Вам явно нужно отдохнуть, а уехать сегодня уже не получится. Давайте так и поступим. Утро вечера мудренее.

Я произнёс это спокойно, без давления, почти буднично. Как констатацию факта: ночь, холод, вы здесь — есть вариант. Выбирайте.

Она смотрела на меня, и в её глазах шла борьба. Страх, недоверие, а потом — та самая усталость, что смывает всё, даже инстинкт самосохранения. Она медленно кивнула.

— Но я напишу нескольким подругам, где я. И адрес. И фамилию вашу. Как ваша фамилия?

— Орлов Лев Сергеевич. И я не маньяк, честное слово, — добавил я.

— Какой бы маньяк признался, — пожала она плечами.

— И еще дверь изнутри запирается, если что. И у меня в комнате тоже, имейте в виду.

Роза непонимающе уставилась на меня.

— Я вас впервые вижу, — пояснил я. — Может вы сама маньячка.

— Согласна, осторожность не помешает, — кивнула она и улыбнулась уголком губы.

— Вот и отлично. — Я встал и двинулся в глубь дома, не проверяя, идёт ли она за мной. Но через мгновение услышал за собой тихие шаги.

Я провёл её по узкой, деревянной лестнице на второй этаж, в мезонин. Там было две комнаты: моя и та самая, гостевая. Я открыл дверь, щёлкнул выключателем. Зажёгся неяркий

свет от бра на стене. Комната была небольшая, с скошенным потолком, деревянными стенами, скромной деревянной кроватью, комодом и небольшим столом у окна. Всё очень просто, но чисто. Воздух был прохладным, но не ледяным — тепло от печи снизу сюда всё же доходило.

— Вот, — сказал я, оставаясь на пороге. — Туалет и душ — в конце коридора. Полотенца свежие — в шкафу. Дверь — Я показал на массивную щеколду на внутренней стороне двери, — запирается изнутри. Надеюсь, вам будет достаточно спокойно. Дом здесь тихий.

Я вошёл, достал из комода сложенное стопкой бельё и большое, пушистое банное полотенце, положил на кровать.

— Вот. Если что-то понадобится — Я загнулся. Что могло ей понадобиться? Покой. Только покой. — Я не буду вас беспокоить.

Роза стояла посреди комнаты, всё ещё в куртке, сжимая свою сумку, как щит. Она огляделась, её взгляд скользнул по щеколде, по полотенцу, по кровати. Потом медленно, снова кивнула.

— Спасибо, — прошептала она, и в этом слове была такая бездонная усталость, что стало ясно — любые вопросы, любое любопытство с моей стороны сейчас было бы пыткой.

— Не за что, — так же тихо ответил я. — Спокойной ночи, Роза.

И я вышел, прикрыв за собой дверь. Не стал её закрывать до конца, оставил щель. Пусть знает, что она не в западне. Спускаясь вниз, я слышал, как щёлкнул замок. Чётко и решительно.

Вернувшись в кресло у печки, я взял остывший чай. Мотя снова материализовался из темноты и устроился у меня на коленях. Я гладил его, прислушиваясь к тишине. Теперь в ней был новый оттенок — присутствие другого человека. Мысли о работе отступили на второй план, стали какими-то призрачными, неважными. Была только усталость и тёплый, урчащий комок шерсти у меня на коленях. Я допил холодный чай, подбросил в печь ещё одно полено и, наконец, побрёл спать.

5. «Сколько я вам должна за ночь?» Роза.

Я проснулась от тишины. Это было настолько непривычно, что первое мгновение я просто лежала с закрытыми глазами, пытаюсь понять, что же именно нарушает сон. И не находила ничего. Ни гула машин, ни голосов за стеной, ни навязчивого тиканья часов, ни даже равномерного шума вентиляции. Была только абсолютная, глубокая тишина, нарушаемая разве что собственным дыханием и слабым скрипом дерева где-то в стенах дома. Я открыла глаза. Свет, проникающий в скошенное мансардное окно, был молочно-серым, рассеянным — должно быть, снова пасмурно или ещё рассвет не до конца наступил. Я лежала под тяжелым пуховым одеялом, и тело отказывалось двигаться, такое оно было расслабленное, выспавшееся. Я не могла вспомнить, когда последний раз просыпалась вот так — без тревожного всплеска адреналина, без немедленной потребности проверить телефон, без сжатого комка забот в солнечном сплетении.

Потом память вернулась ко мне обрывистыми кадрами: побег, такси, темный лес, мужчина в дверном проеме, щелчок щеколды. Я резко села на кровати, оглядываясь. Комната была на месте. Та же, что и вчера. Скромная, с деревянными стенами, с добротной, немного старомодной мебелью. На комодке стояла керосиновая лампа — не для красоты, судя по виду, а на случай, видимо, отключения электричества. Пол был холодным, но откуда-то снизу, из глубин дома, поднималось слабое, живое тепло, слышалось тихое потрескивание.

И тогда меня накрыло осознанием. Он, этот незнакомый Лев, разрешил мне остаться на ночь в своем доме. С запирающейся изнутри дверью. Он не спросил паспорт, не взял предоплату, не прочел лекцию о правилах поведения. Он просто предоставил пространство. Такая странная, почти немыслимая щедрость — доверие и допуск в личное пространство. В моем мире всё имело цену, чаще всего денежную, и за каждую услугу, даже самую мелкую, следовало либо заплатить, либо оказать ответную. Здесь же, похоже, действовали другие, забытые законы. От этого становилось и спокойно, и тревожно одновременно.

Мой взгляд упал на шкаф. Он был старый, из темного дерева, с фигурными ручками. Такие стояли когда-то у моей бабушки в деревне, под Саратовом. А на стене, возле кровати, висел небольшой, выцветший от времени коврик с незамысловатым узором — две птицы сидят на ветвях дерева. Такие же, помнится, вышивала крестиком моя мать в пору моей ранней юности, пока не забросила это «бессмысленное рукоделие», как она тогда выразилась, погрузившись с головой в школьные дела. В доме пахло деревом, воском и чем-то неуловимо знакомым — как в далеком детстве, когда мир казался безопасным и понятным. Этот запах, эта простая вещь на стене — всё напоминало о матери. О том, что между нами лежит целая пропасть непонимания.

Я давно не звонила ей. Несколько дней? Неделя? В сумасшедшем ритме последнего месяца время спрессовалось в одно сплошное «надо». Надо снять, надо смонтировать, надо выложить, надо ответить комментаторам, надо отчитаться перед Артемом, надо лететь на следующую локацию. Мысли позвонить матери приходили, но я каждый раз отмахивалась от них, как от назойливой мухи. Какой в этом смысл? Разговор будет стереотипным. Её первый вопрос: «Ну, как твои успехи в этом твоём блоге?» — будет произнесен с такой ледяной, вежливой отстраненностью, словно она спрашивает о здоровье малознакомой соседки. Потом последуют новости из школы — директорская рутина, проблемы с бюджетом, новые дурные законы, неуспевающие ученики. И тонкий, но отчетливый укор между строк: вот это — настоящая работа, общественно полезная, а то, чем занимаешься ты, Розалия, — это баловство, пустая трата ума и жизненных сил. Нет, уж лучше попозже. Когда соберусь с духом. Когда этот странный побег обретет хоть какие-то очертания и мне будет что сказать, кроме «мам, я

сбежала и переночевала дома у незнакомого мужчины в глухой деревне». От одной мысли об этой фразе я тихо хихикнула.

Желудок предательски заурчал, напоминая, что вчера я почти ничего не ела. Я натянула свитер и джинсы, на цыпочках спустилась по скрипучей лестнице вниз. Из-за угла, из кухни, доносились тихие звуки — шелест, лёгкий стук посуды, шипение. Я замедлила шаг, не решаясь войти. Но тут из-за ног у меня вдруг метнулось что-то большое и рыжее. Я едва сдержала вскрик. Это был тот самый кот — огромный, пушистый, цвета спелой кураги. Он прошёл мимо с видом императора, лишь мельком взглянув на меня своими янтарными, полуприкрытыми глазами, и величественно проследовал на кухню. Я, словно загипнотизированная, последовала за ним.

Лев стоял у плиты, прислонившись бедром к старой деревянной тумбе, и в этой позе была какая-то непринужденная, домашняя устойчивость. На нём был тот же растянутый серый свитер из грубой шерсти, что и вчера. Свет от окна падал на его профиль: высокий, четкий лоб, светлые, чуть выющиеся волосы. Он помешивал что-то в миске, держа лопатку длинными пальцами — пальцами музыканта или реставратора, а не деревенского жителя. Лицо его в полупрофиль казалось спокойным, даже отрешенным, но не суровым; в уголке глаза легла едва заметная сеточка морщин — не от возраста, а, казалось, от привычки шуриться, всматриваясь во что-то. Светлая, аккуратная борода обрамляла твердый подбородок. В нем не было ни капли суевы, только медленная, уверенная точность движений, будто он не просто жарил блины, а выполнял важный, неспешный ритуал. А на сковородке уже подрумянивались блинчики, и их сладкий, маслянистый запах, казалось, был единственным, что связывало его с этой кухней и этим утром, в то время как сам он мысленно находился где-то далеко, в своем внутреннем, тщательно оберегаемом пространстве. Кот устроился на стуле у стола, свернувшись калачиком, и наблюдал за процессом, будто контролировал.

Лев услышал мои шаги, обернулся. Его лицо было спокойным, без тени удивления или навязчивой приветливости.

— Доброе утро, Роза, — сказал он просто. — Чай в заварнике на столе. Блинчики сейчас будут. Садитесь завтракать, если хотите.

Он не спросил, как я спала. Не поинтересовался планами. Не начал светскую беседу о погоде. Как и вчера, он просто констатировал факты: есть чай, будут блины, место за столом свободно. Эта невероятная нормальность действовала как бальзам.

— Спасибо, — выдохнула я, робко подходя к столу и садясь на стул напротив кота. Тот приоткрыл один глаз, оценивающе посмотрел на меня и снова его закрыл. — Доброе утро, Лев Сергеевич. И вам, Бегемот Львович.

Услышав, как Лев усмехнулся, я налила себе чаю из глиняного заварника. Он был крепким, ароматным, с травами. Лев тем временем снял со сковороды очередной золотистый блинчик и добавил его в уже готовую стопку, поставив её на стол вместе с мисочками сметаны и банкой мёда.

— Всё просто, — как будто извиняясь, произнёс он. — Но съедобно.

Мы ели молча. Блинчики были тонкими, нежными, они таяли во рту. Сметана — холодной и густой, словно только что из погреба. Эта незамысловатая еда казалась мне сейчас самым изысканным деликатесом на свете. Лев ел неторопливо, его движения были точными и экономными. Кот, которого Лев время от времени чесал за ухом, периодически получал маленький кусочек блинчика, аккуратно положенный на край стола.

— Вы сколько я вам должна за ночь? — наконец спросила я, не в силах больше выносить эту тишину, которая, впрочем, не была неловкой.
Лев фыркнул, а затем не выдержал и рассмеялся в голос.
— Звучит, однако.

— Извините, — окончательно смутилась я. — Я не имела в виду

— Да понятно. Ничего вы мне не должны, Роза, не переживайте. Вы мне совсем не помешали.

— Нет, это неправильно. — Я помотала головой. — Нельзя так просто врывать к незнакомым людям. Вы мне просто скажите, и я переведу нужную сумму.

Он вздохнул.

— Ну хорошо. Вы там вчера что-то говорили за предоплату. Так что считайте, мы в расчете.

— Но там всего 30% было, правда за несколько дней — растерялась я.

— Ну вот и оставайтесь на несколько дней, если хотите. Не целый гостевой дом, конечно, но мы вряд ли будем друг другу мешать.

Ошарашив меня этим заявлением, Лев доел последний блин, а затем встал, помыл свою тарелку и кружку, поставил их на сушилку. Потом надел в прихожей короткую дубленку и стал обуваться.

— А вы куда-то уходите?

— Да, уезжаю, есть дела в первой половине дня, — кивнул он. — Но извините, не могу вас в город отвезти — мне совсем в другую сторону. Впрочем, думайте. Если хотите, можете остаться. До полудня будете одни, потом я вернусь — но запрусь в кабинете, нужно будет работать. В доме тепло, еда в холодильнике — берите, что понравится. Если захотите во двор выйти, имейте в виду, что дверь захлопывается. Если вдруг все же такое случится — на балясине сверху справа запасной ключ лежит.

Он сказал это так же буднично, как говорил о чае и блинах. Снова это доверие. Он оставляет меня, незнакомку, одну в своем доме. Со всеми вещами, со своим скарбом. Меня это поразило сильнее, чем любая красноречивая речь о доброте.

— Я я не трону ничего, — пробормотала я.

Он посмотрел на меня, и в его серо-зелёных глазах мелькнуло что-то вроде усталой усмешки.

— В этом и суть, — сказал он загадочно. — Чтобы не надо было ничего «не трогать». Чувствуйте себя как ну, как гость. Просто гость.

— Ну я пошел, пока, — сообщил он уже из прихожей. — Мотя, — он кивнул в сторону кота, — следи за порядком.

И вышел. Через минуту я услышала, как за окном заурчал, затрещал на морозе двигатель. Я подбежала к окну, отодвинула занавеску. На подъездной дорожке стоял фургончик, на который вчера ночью я не обратила особого внимания. Старый, но явно ухоженный, тёмно-зелёный. На его боку было выведено аккуратными, чуть старомодными буквами: «Старая книга». Фургон тронулся с места, медленно покотился по снежной колее и скрылся за воротами.

Я осталась стоять у окна, прижав ладонь к холодному стеклу. Любопытство, острое и живое, кольнуло меня внутри. Книжный фургончик? Куда он поехал, если не в город? Кто этот человек? Что заставило его выбрать такую жизнь? В моём мире всё делилось на успешное и неуспешное, трендовое и устаревшее, хайповое и немодное. Этот фургончик с книгами явно не вписывался ни в одну из категорий. Он был из другого измерения. Из того самого, где тишина не пугает, а доверие раздают просто так, как блины на завтрак.

Я обернулась, окинув взглядом пустую, тихую кухню. На стуле умывался кот Мотя. Его взгляд, полный философской глубины и ленивого превосходства, казалось, говорил: «Ну что, попробуй разгадай нас. И его, и меня». И я поняла, что приму предложение задержаться на несколько дней.

6. «Шикарный борщ!» Лев.

Возвращаясь домой по знакомой дороге, я поймал себя на мысли, что еду не так, как всегда. Обычно это было плавное погружение в себя, в тишину вокруг, в ритм двигателя и мелькание за окном одинаковых сосен, стоящих ровными, заснеженными рядами, будто замершая стража этого забытого богом края. Сегодня же мои мысли кружились, как снежинки в вихре за стеклом, возвращаясь к одному и тому же: к странности моего вчерашнего поступка. Что, собственно, заставило меня, Льва Орлова, человека, построившего свою жизнь на принципах четких границ, впустить в дом совершенно незнакомую женщину? Не просто пустить переночевать в холодный гостевой домик, а предложить комнату в собственном доме, а затем оставить одну на весь день, со всем моим скромным, но всё же имуществом? Глупость? Беспечность, на которую я не считал себя способным? Или эта сокрушительная усталость, что отражалась в её глазах вчера вечером, на которую я откликнулся, как на до боли знакомый сигнал бедствия? Сигнал, который когда-то, может быть, подавал и я сам, но никто его не услышал.

Я привык всё анализировать, раскладывать по полочкам, как книги в фургончике, но это решение словно выпало из привычной логики. Оно было спонтанным, почти инстинктивным, как жест, который совершаешь, не успев обдумать. И теперь, подъезжая к дому, я ловил себя на противоречивых чувствах: с одной стороны, тихая надежда — не уехала ли она уже на такси, не растворилась ли в зимнем лесу, как мимолетный призрак, оставив после себя лишь смятую простыню, пустую кружку на столе и чувство лёгкого недоумения? С другой — смутное предвкушение, сидевшее где-то под рёбрами. А вдруг не уехала? А вдруг мой хрупкий, тщательно выстроенный мир тишины и одиночества, разрушен, и я вернусь не в своё убежище, а на какую-то иную, непредсказуемую территорию?

Я вспоминал лицо Розы сегодня утром за завтраком — беззащитное спросонья, настоящее. Каштановые, чуть вьющиеся, ещё не прибранные волосы сбились набок, словно птичье гнездо, и одна прядь упрямо падала на щёку. Большие, чуть раскосые глаза болотного оттенка, в которых всё ещё плавала растерянность и непонимание, будто она не до конца проснулась и не вполне отдаёт себе отчёт, где очутилась. Бледная, почти прозрачная кожа, на которой от смущения выступал лёгкий румянец. И эти её тонкие руки, которые сжимали кружку с чаем, будто это был единственный якорь, удерживающий её в странной реальности. Она казалась одновременно невероятно хрупкой, словно фарфоровая статуэтка, и в то же время очень цельной внутри этой хрупкости. Как будто за глянцевого скорлупой, которую она, должно быть, носила в своей обычной жизни, скрывалось что-то живое, настоящее ю, что теперь, в моменте усталости и бегства, показалось на поверхность.

Фургон, поскрипывая на ухабах, завернул на мою улицу, и в просвете между соснами показался дом: за полотном забора — тёмное дерево сруба, белые шапки снега на крыше, сизый дымок из трубы, сливающийся с низким небом. Всё как всегда. Но едва я заглушил рокот двигателя, я уловил сквозь колючий морозный воздух едва заметный, но совершенно невероятный запах. Сладковатый, насыщенный, плотный, с глубокой, тёплой нотой тушеных овощей, мяса и чего-то ещё, неуловимого — лаврового листа, перца. Борщ. В моей тихой, мужской обители пахло настоящим, домашним борщом. Это было настолько неожиданно, так выбивалось из всего строгого порядка дня, что я несколько секунд просто просидел в остывающей кабине, уставившись на знакомый фасад. Сердце сделало странный, неуверенный толчок — не испуг, нет, а скорее глубокая растерянность, смешанная с каким-то забытым, детским предвкушением праздника. Потом я вылез из фургона, хрустя снегом, и медленно пошёл к дому, к двери, за которой теперь была не просто тишина, а целая история, которой я не знал.

Войдя в прихожую, я ещё раз глубоко, почти с жадностью, вдохнул. Нет, не ошибся, не привиделось. Запах шёл с кухни, густой и аппетитный. Он витал в холодном воздухе прихожей,

смешиваясь с привычными запахами дерева и воска, и от этого смешения становилось как-то не по себе и удивительно тепло одновременно. Я снял сапоги, повесил на крючок пронизанную холодом куртку и в одних толстых носках, почти бесшумно, прошёл в кухню. И замер на пороге.

Роза стояла у плиты, прислонившись бедром к старой тумбе. Она помешивала ложкой в большой, потемневшей от времени кастрюле. Волосы были собраны в небрежный, низкий пучок, из которого выбивались короткие, непослушные пряди. Свет от окна падал на её профиль, освещая кончик носа и длинные, опущенные ресницы. Услышав мои шаги, она слегка вздрогнула, будто пойманная на месте преступления, и быстро, почти виновато, отступила от плиты, положив ложку на подставку.

— Привет. Я — начала она, и голос её звучал сбивчиво, — я решила принять твоё предложение, и раз уж я здесь, и раз ты — она запнулась, покусывая нижнюю губу, ища подходящие, не слишком навязчивые слова, — раз ты проявил такую неожиданную щедрость, то я могу хоть что-то сделать в ответ. Не в качестве оплаты, нет. Просто так. Это же борщ. Я нашла свеклу, капусту и картошку, мясо в морозилке Морковь и лук были в сетке на кухне. Надеюсь, ты не против, что я покопалась в твоих запасах. И что вообще

Она говорила быстро, немного захлёбываясь, и в её широко распахнутых глазах читалась вся палитра неуверенности — не перешла ли она невидимые границы, не совершила ли непорядочную ошибку, взявшись без спроса за мои припасы и мою плиту, не сочтут ли её наглой.

Я стоял и смотрел на неё, на эту незнакомку у моей плиты, на пар, поднимающийся над кастрюлей, и чувствовал, как по лицу моему, помимо воли, расплывается улыбка. Не та сдержанная, вежливая улыбка, что бывает у меня на людях, а искренняя, широкая, какая не появлялась, наверное, со времён редких дружеских посиделок.

— Мы перешли на ты? — сказал я наконец, и голос мой прозвучал как-то непривычно громко в тишине кухни.

Роза пожала плечами.

— Ну так борщ ведь

— Да, согласен. Повод весомый. Да и пахнет просто потрясающе. Спасибо. Я как раз проголодался в дороге. Но ты — Я сделал небольшую, намеренную паузу, давая ей привыкнуть, осознать переход, — Ты точно решила, что остаёшься?

Она кивнула, уже чуть увереннее, и уголки её губ дрогнули, пытаясь ответить моей улыбке.

— Да. Если, конечно, предложение всё ещё в силе. Когда ты уехал утром, я долго думала. Мне некуда спешить. Вернее, спешить есть куда, но я не хочу. Не сейчас. Не сегодня.

— Ладно, — ответил я просто и легко, будто это было самое естественное решение в мире, и пошёл мыть руки у раковины, чувствуя, как странное напряжение последних часов начинает понемногу растворяться. — Рассказывай, как день прошёл, пока я мотался по району.

Мы сели за стол. Мотя материализовался из ниоткуда, как это умеют только коты, и устроился на своём законном, отвоеванном годами стуле. Он уселся с видом верховного судьи, выразительно облизываясь и переводя свой янтарный, полуприкрытый взгляд с кастрюли на нас, будто ожидая должного почтения и, конечно, своей доли. Роза, улыбаясь теперь уже открыто, налила нам по глубокой тарелке густого, тёмно-рубинового, с легким маслянистым отблеском борща, щедро положила в каждую ложку густой, холодной сметаны. Я взял ложку и попробовал. Вкус был идеальным.

— Потрясающе, — выдохнул я искренне, и это было даже не комплимент, а констатация факта. — Ты волшебница.

Она смущённо покраснела, отведя глаза к своей тарелке.

— День — начала она, отодвигая пустую тарелку и обхватывая ладонями кружку с чаем, который я успел поставить на стол, пока она разливала борщ. — День был самым странным за последние годы, наверное. И самым спокойным. После того как ты уехал, я сначала просто

ходила. По дому. Как лунатик. Смотрела на книги. Ты прав, их тут невероятно много. И все они какие-то живые, не для интерьера. Каждая потрепана, зачитана, в некоторых закладки Я взяла одну с полки, наугад. Сборник каких-то северных рассказов, советских ещё писателей. И прочитала несколько, не отрываясь. Мотя тогда пришёл и устроился у меня на коленях, грел меня. Потом я долго смотрела в окно. Просто смотрела, как падают снежинки. Каждая отдельно. Я, кажется, никогда в жизни так не рассматривала снег. Потом сварила себе кофе. Потом стало как-то слишком тихо внутри, от этой тишины снаружи. Захотелось движения, дела. Я вспомнила про овощи в холодильнике и подумала а почему бы и нет? Я давно не готовила просто так, для себя. — Она пожала плечами, и в этом движении была какая-то детская, почти стыдливая неуверенность, смешанная с гордостью. — Вобщем, я просто существовала. Без цели. Без плана. И это было так непривычно, что сначала даже пугало. В ушах звенело от тишины, в голове вертелись обрывки мыслей, что я всё делаю не так, что теряю время. А потом стало легко. Как будто с плеч свалился тяжёлый, мокрый плащ. И стало легко дышать.

Я слушал её, не перебивая, отламывая куски ржаного хлеба и макая их в ароматный бульон, и чувствовал, как внутри что-то отзывается, резонирует с её словами. Я и сам знал это состояние — когда не нужно ничего доказывать миру, никуда бежать, не нужно соответствовать чьим-то ожиданиям, кроме, может быть, ожиданий кота, требующего своевременного ужина. Просто быть здесь и сейчас. Но для неё, очевидно вырванной из вечной гонки, это было настоящим откровением.

— А потом, ближе к вечеру, я всё-таки позвонила маме, — добавила она тише и почему-то отвела глаза к заиндевевшему окну, за которым уже сгущались синие сумерки. — Сообщила, что я в порядке. Чтобы не волновалась.

— И что сказала мама? — спросил я мягко, наливая ей ещё чаю.

Она вздохнула.

— Пришлось, конечно, соврать, что я в деревне у друзей. Так что надеюсь, — она повернула ко мне лицо, и в её глазах, к моему удивлению, блеснула искорка неожиданного, озорного лукавства, — что, ты всё-таки не маньяк. А то мне потом маме будет очень неудобно объяснять, как же так вышло.

Я фыркнул, не сдержав короткого, хриповатого смеха.

— Пока, согласно всем внутренним ощущениям, не превратился в маньяка, — сообщил я с максимально серьёзным, почти деловым видом. — Но, для чистоты эксперимента, я тоже, пожалуй, позвоню своей маме. Предупрежу, что у меня в доме завелась загадочная незнакомка, которая варит отменный, прямо-таки волшебный борщ. Пусть и она знает и тоже волнуется за мою моральную и физическую неприкосновенность.

Мы оба рассмеялись, и этот смех, тёплый и естественный, снял последние, невидимые остатки натянутости, растопил лёд неловкости между нами. Мотя, недовольный нарушением тишины и, видимо, задержкой с подачей его порции, громко, с театральным пафосом зевнул, демонстрируя розовую пасть с мелкими острыми клыками и шершавым языком, а затем ткнулся мордой мне в руку, требуя внимания и, разумеется, угощения.

— А как... вообще появилась вся эта история? — Роза кивнула в сторону окна, за которым в темноте угадывался силуэт фургончика. — Со «Старой книгой». Необычное... дело. Прямо как в каком-то ромме европейском.

Я отпил чаю, собираясь с мыслями. Вопрос был неизбежен, но прямой ответ требовал выбора: уйти в общие фразы или сказать что-то настоящее.

— Раньше я работал в университете, — начал я, глядя не на неё, а на тёмное пятно за окном. — На филфаке.

— Ого, мужчина и на филфаке. Неожиданно! Теперь понятна любовь к книгам. А почему ушел?

— Да так — Я махнул рукой. — Захотелось спокойствия и нашел вариант на удалёнке, в издательстве. А идея с фургончиком... это даже не идея была. Скорее, необходимость. После ухода нужно было найти хоть что-то, что не вызывало бы... физического отвращения.

Я сделал паузу, ловя реакцию Розы краем глаза. Она не перебивала, не морщилась от странного слова «отвращение». Просто слушала.

— Что-то обыкновенное. Честное. Чтобы польза была не где-то там, в будущем, в виде какой-нибудь строчки в научном каталоге, а здесь и сейчас. Чтобы в конце дня можно было сказать: вот, я привёз человеку книгу, и он сегодня вечером будет её читать. И всё. Так и получилась «Старая книга». Не магазин, понимаешь? Скорее... библиотека на колёсах. Ковчег, да.

— Ковчег? — переспросила Роза, и в её голосе прозвучал неподдельный интерес, а не насмешка.

— Да. Который возит не животных, а слова. Смыслы. Для тех, кому до обычной библиотеки не добраться.

Приободренный, я решил рассказать немного больше, почувствовав, что Розе действительно интересно.

— Вот, например, в Ключах живёт тётя Лида. Каждые два месяца она меня у магазина ждёт. Берёт новый детектив, самый закрученный. А когда я приезжаю снова, полчаса стоит, блестя глазами, и рассказывает, кто, по её мнению, убийца. И всегда ошибается.

Роза улыбнулась, и эта улыбка была тёплой, настоящей.

— Никогда не догадывается?

— Ни разу. Но это неважно. Важен сам процесс, азарт. А в Горелове — Семёныч. Коллекционер. Сухой, как камыш. Собирает всего Мандельштама. Говорит, готов последнюю курицу со двора отдать за редкое издание, 1909 года, кажется. О котором только в каталогах читал.

— И ты ищешь для него?

— Стараюсь. Слежу. А на хуторе у озера — дети. Маленькие. Ждут меня, наверное, как Деда Мороза. Не за конфетами, а за книжкой с картинками. Про динозавров. Или про звёзды. Простая человеческая полезность.

Я замолчал, вдруг осознав, что говорю много и, возможно, слишком поэтично. Но остановиться уже не мог.

— Конечно, всё не так романтично. Весной — распутица, фургон по самую ступицу в грязи сидит. А ещё иногда люди расплачиваются тем, что есть: картошкой, банкой солений, вареньем.

Я произнёс последнее с лёгкой ироничной интонацией, глядя на свои руки, лежащие на столе, и, наконец, посмотрел прямо на Розу. Она слушала, подперев щеку ладонью, локоть упёрся в старый деревянный стол. Она не перебивала, лишь иногда кивала, и её взгляд был настолько внимательным, таким тёплым, что я чувствовал себя не букинистом, рассказывающим о буднях, а чуть ли не Шахерезадой, повествующей из «Тысячи и одной ночи» о диковинных странах.

— Простая, человеческая полезность, — наконец повторила она его слова, будто пробуя их на вкус. — Это... дорогого стоит. Особенно если за свою «полезность» раньше приходилось... отдавать что-то важное внутри себя.

Её ответ был не о моем деле, а о том, что стояло за ним. И я понял, что она услышала не просто историю про фургончик с книгами. Она услышала меня.

Я был готов к скепсису — меня даже близкие друзья не понимали, что уж говорить про считай незнакомку. Но в её глазах я увидел глубокое, сосредоточенное понимание. И тишина, что повисла после ее слов, была не неловкой, а насыщенной, будто Роза впитывала сказанное, примеряла на себя.

Потом она вздохнула, потеряла виски, и на её лицо вернулась тень лёгкой озабоченности.

— Слушай, Лев, я вспомнила у меня небольшая техническая проблема. Телефон садится. Провод я, дура полная, забыла, выбегая. Нет ли у тебя, случайно, зарядки на айфон? А то я как-то совсем отрезанная от мира. Хотя, — она усмехнулась, — может, это и к лучшему. Но всё же

Зарядки такой у меня, конечно, не было. Моя древняя «нокия» жила своей, отдельной, вечной жизнью. Но идея пришла мгновенно, сама собой, и я высказал её, почти не думая:

— Завтра утром я снова поеду книги развозить. В соседнюю деревню, там есть небольшой магазин «У Марии», хозяйка завозит всякую всячину, думаю, и зарядку можно поискать. Если не боишься скучать в машине и слушать мои бесконечные разговоры с местными — можешь составить компанию. Заодно и зарядку возьмём.

Она смотрела на меня несколько секунд, её взгляд скользнул по моему лицу, будто выискивая подвох, шутку или скрытый смысл. А потом она просто кивнула.

— Да. Я поеду. Мне и правда любопытно.

В её глазах горел неподдельный, живой интерес. И в этот момент, глядя на неё, на кастрюлю с борщом на плите, на кота, доедающего на полу свою порцию мяса, на наши пустые тарелки на столе, я поймал себя на мысли, что этот странный, нелогичный поступок — впустить её в дом — возможно, был не такой уж и глупой идеей.

7. «Неплохая фигура для филолога». Роза.

Когда последняя ложка борща была съедена, а на столе остались лишь крошки хлеба и пустые чашки, Лев отодвинул стул и слегка потянулся, с тихим хрустом в спине. Я уже привыкла к его неторопливым, осмысленным движениям.

— Ну что ж, спасибо за прекрасный обед. А теперь вынужден откланяться. Нужно немного поработать, — сказал он, собирая со стола посуду. — Не возражаешь, если на несколько часов засяду у себя?

— Конечно, нет, — поспешно ответила я, вставая, чтобы помочь ему. — Это же твой дом. А чем именно ты занимаешься? Если не секрет.

Он взглянул на меня, и в его глазах промелькнуло что-то вроде легкой неловкости, как будто он не привык рассказывать о таких вещах.

— Я литературный редактор, внештатно работаю в нескольких издательствах. Редактирую и корректирую рукописи, в основном краеведческие, исторические справки, иногда детские книжки. Сидячая работа. Иногда скучновато, но зато сам могу свой график контролировать. Меня устраивает. Я кивнула, представив его за столом в полумраке, склонившимся над строчками чужого текста. Это идеально вписывалось в образ. Молчаливый, внимательный человек, который правит чужие слова. Лев не стал развивать тему, просто взял кружку и направился в свою комнату. На лестнице обернулся:

— Если вдруг не увидимся больше, то спокойной ночи. Выдвигаемся завтра рано, часов в восемь. Не проспите.

— Постараюсь, — усмехнулась я. — Тоже к себе сейчас пойду.

Он кивнул и удалился, а я осталась у раковины, до конца вымыла кастрюлю и сковородку, вытерла стол. Потом, взяв с полки тот самый сборник северных рассказов, который читала днем, тоже поднялась.

В комнате было прохладно, но не холодно. Я укуталась в одеяло, открыла книгу, но буквы расплывались перед глазами. Мысли возвращались к сегодняшнему дню, к разговору за ужином. К его рассказу о «простой, человеческой полезности».

Лев мне понравился, но насчёт мамы я ему всё же соврала. Сказала, что позвонила. А на самом деле нет. Телефон лежал рядом, черный, безжизненный кирпичик. Зарядка, конечно же, осталась в номере, в спешке и панике я выхватила из розетки сам аппарат, а про шнур забыла напрочь. Но в целом дело было не в зарядке. Я не смогла бы набрать номер, даже если бы с телефоном все было в порядке. Просто не могла. Мысль о том, чтобы услышать её голос — ровный, полный скрытого неодобрения — вызывала во мне тошнотворный спазм. Лгать малознакомому Льву было легче. Пусть думает, что я не совсем одна в этом мире, что кто-то знает, где я, и волнуется. Для безопасности. Такой маленький, трусливый обман, чтобы чувствовать себя хоть чуть-чуть менее уязвимой в этом чужом доме, рядом с этим непонятным человеком, чья доброта казалась мне слишком необъяснимой, а значит, потенциально опасной. Я погасила свет и долго лежала в темноте, слушая тишину.

Проснулась я, когда за окнами было все так же сумрачно. В комнате тоже царил серый, неопределенный свет — то ли ещё рассвет, то ли просто пасмурное утро. Паника ударила в виски мгновенно: я проспала! В комнате не было часов, а телефон, мой привычный будильник был мертв. Я сорвалась с кровати, наспех натянув джинсы и свитер, едва успевая запихнуть ноги в носки. Волосы торчали во все стороны, но на это уже не было времени. Я, спотыкаясь, бросилась вниз по лестнице, в голове стучала одна мысль: «Прospала. Он уедет, уедет без меня, и я останусь тут одна».

Завернув за угол, я врезалась во что-то твердое и теплое. И отскочила, чуть не потеряв равновесие. Передо мной стоял Лев. В одних джинсах и босиком, через плечо было перекинута

полотенце. Волосы темными, мокрыми прядями падали на лоб, капли воды с их кончиков скатывались по грудной клетке, по рельефу живота. От него пахло чистотой, мылом и чем-то острым, мужским — не парфюмом, а просто кожей, теплом. Я застыла, чувствуя, как жаркая волна стыда заливает мне лицо и шею.

— Прости! — выдохнула я, отводя глаза куда-то в сторону. — Я я проспала?

Он смотрел на меня с невозмутимым спокойствием, лишь одна бровь слегка поползла вверх.

— Без десяти восемь. Ты как раз вовремя. — Голос его был ровным, без тени раздражения. Он не сделал ни шага назад, не попытался прикрыться, просто стоял, давая мне время прийти в себя. — Правда кофе еще не готов.

— Это ничего я сделаю! — выпалила я, проскочив мимо него в кухню, чувствуя, как уши горят огнем. Глупость, абсолютная глупость. Я вела себя как перепуганная девчонка. На кухне я судорожно взялась за кофемолку, стараясь не оборачиваться, слыша, как Лев не спеша поднимается наверх. Кот Бегемот, потягиваясь на своем стуле, наблюдал за моей суетой с философским снисхождением.

Через двадцать минут мы уже выезжали. Я сидела на пассажирском сиденье, сжимая в руках термос с кофе, который сама же и приготовила. Стыд постепенно отступил, сменившись любопытством. Салон фургончика оказался уютным, хоть и старым. Лев завел двигатель, и мотор отозвался густым, довольным урчанием.

— Музыку включить?

— Да я не против и в тишине ехать, — улыбнулась я. — А это кто?

Я указала на маленькое фото на приборной доске, которого Лев мимоходом коснулся. Мужчина лет пятидесяти хмурился, глядя в камеру.

— Это мой отец. — Лев отвернулся. — Он погиб, на машине разбился.

— Извини, я не хотела

Он качнул головой, принимая извинения.

Первая деревня по пути называлась Межник. Небольшое скопление домов у самой дороги, занесенных снегом по самые окна. Лев притормозил у небольшого магазинчика, на крыльце которого уже стояла пожилая женщина в ватнике и огромном платке.

— Здравствуйте, Анна Семёновна, — сказал Лев, выходя и оставляя двигатель работать на холостом ходу. — Как давление? Привез вам «Сантехника Егора», новый, как просили.

— Лёвушка, родной! — обрадовалась старушка. — Давление-то как раз скачет, от безделья, наверное. Давай сюда книжку-то, развлекать себя буду.

Он взял с сиденья аккуратный пакет, передал ей. Я тоже вылезла из машины и поздоровалась.

— Анна Семёновна, а у вас в магазине зарядки для телефонов есть? У меня вот приятельница гостит, — он махнул рукой в мою сторону, — и сломался провод, новый ищем.

— Да, от айфона, — уточнила я на всякий случай.

— Какие-то были вроде, — задумалась Анна Семёновна. — Давно их взяла, но они тут никому из наших не нужны. Лежат вот с тех пор. А уж айфон там или шмайфон, это я не понимаю. — Она зашлась добродушным кудахтающим смехом. — Идём внутрь, сами посмотрите.

Пока я копалась в коробке с разными аксессуарами для телефонов, которую хозяйка выудила откуда-то с верхней полки, Лев как ни в чем не бывало обсуждал с ней разные темы. Я слышала, как они поговорили о внуке, который в армии, о том, что дрова нужно пилить. Лев слушал, кивал, давал короткие, практичные советы. Ни тени раздражения, только ровное, уважительное внимание. Потом она сунула ему в руку что-то сморщенное, яблоко, кажется, и он, не глядя, поблагодарил и положил его в карман куртки.

Мне повезло — зарядка от Айфона действительно нашлась, но вот дальше случилась заминка. Банковского терминала у нее не было — картой не заплатит, а наличных у меня с собой было совсем немного. Лев опять выручил — молча вытащил бумажник и расплатился.

— Ещё раз спасибо, — пробормотала я уже в фургончике. — Я верну. Телефон дома заряджу и переведу тебе.

— Да прекрати, — отмахнулся он. — Едем дальше.

И мы поехали. На следующей остановке он отдал приготовленную стопку детских журналов для многодетной семьи, у другого — увесистый том по пчеловодству для угрюмого мужика в ушанке, который, хмурясь, долго сверял что-то в своей записной книжке.

В селе Градское мы задержались подольше. Лев выехал на небольшой пяточок между домами, что-то вроде площади, и припарковался. Затем вышел и распахнул задние двери фургона, вынул складной стол и выставил на него несколько ящиков с книгами. К машине сразу

же потянулся людской ручеек. Почти все здоровались со Львом, мужчины дали руки. Кто-то копался в ящиках, некоторые забирались в фургон и уже оттуда выходили с книгой-другой. Я наблюдала за этим, сидя в теплой кабине, и чувствовала себя сторонним наблюдателем в чужом, удивительно слаженном спектакле, где все роли были настоящими.

Лев, казалось, помнил всех по именам, помнил, кто что любит читать, кто какую обложку предпочитает. Это не было торговлей в привычном мне понимании. Это был обмен. Книги на яблоки, на новости, на простую человеческую благодарность. Через полчаса, когда поток людей иссяк, я выбралась наружу вместе с термосом.

— Кофе будешь? У тебя уже нос красный.

— Не откажусь. — Лев притопывал на месте от холода. — Но знаешь, давай в машине поьем. Я сейчас все быстро соберу — сегодня уже не будет больше покупателей, холодно очень.

Когда все ящики были убраны в фургон, он забрался в кабину и стал греть замёрзшие пальцы у печки.

— Держи, — Я протянула крышку от термоса с налитым кофе. Над напитком коулся ароматный пар. — Это последняя деревня? Теперь домой?

Лев с наслаждением сделал глоток горячего напитка.

— Да, домой. Но по дороге ещё в одно место заскочим, кроссворды Ольге Петровне я привозил, а она не пришла. Может приболела или ещё чего, старая она совсем.

На краю деревни, у покосившегося домика с резными наличниками, он затормозил, и на шум машины на крыльцо вышла маленькая, сторбленная старушка.

— Лёва! Чего ты?

— Так вы не пришли же, Ольга Петровна. За кроссвордами. А я привез, как договаривались.

— Ох, голова моя садовая, — всплеснув она руками. — Ты прости меня, милоч, совсем памяти нет на старости лет.

— Да не страшно, вот, возьмите.

— Вот спасибо, хороший ты парень. А нет ли минутки ещё у тебя? Ведёрко у колодца оставила, а принести — силы нет. Руки трясутся.

Лев, не раздумывая, кивнул и подошёл к окну фургона с моей стороны:

— Подожди здесь, хорошо? Не замерзнешь, печка работает.

И пошел за Ольгой Пеировной во двор. Я видела, как он исчез за воротами, а через несколько минут вернулся, неся в одной руке жестяное ведро, полное воды, а в другой — еще что-то закутанное в тряпицу. Он осторожно поставил ведро в сенях, поговорил с бабушкой еще минутку, а потом вернулся к фургончику.

Садясь за руль, он протянул мне свёрток. Внутри был еще тёплый, душистый, поджаристый каравай хлеба и литровая банка парного молока, закрытая пластмассовой крышкой.

— Это что? — растерянно спросила я, принимая неожиданный груз.

— Ольга Петровна угостила. В благодарность. Хлеб сама печёт, корову держит. — Он тронулся с места, и в его глазах появилась легкая, почти мальчишеская усмешка. — А воду носить вот не может. Уже не по возрасту ей этот фитнес. А мне помочь несложно, только в радость.

Он произнес это так просто, так естественно, будто говорил о том, что снег белый. «Мне это в радость». От этих слов у меня внутри что-то ёкнуло, сжалось. Я молча смотрела на банку молока, в которой оседал густой, желтоватый слой сливок. Радость. Простая, от того, что помог. Не за деньги, не за лайки, не для контента. Просто потому, что может.

Обратная дорога была тихой. За окном проплывали те же сосны, то же белое поле. Тепло от печки, запах свежего хлеба, наполнявший кабину, и это новое, необъяснимое чувство покоя — всё это смешалось внутри в какой-то густой, сладковатый коктейль. И тут Лев нарушил

тишину. Не отворачиваясь от дороги, он спросил спокойно, будто продолжил наш вчерашний разговор:

— А что тебя радует, Роза? Не в работе, а просто так? Без всяких «надо» и «для».

Неожиданный вопрос повис в воздухе. Я замерла. Мозг лихорадочно заработал, пытаясь выудить ответ из памяти. Что меня радует? Покупка новой сумки? Удачный кадр, набравший миллион просмотров? Предложение сотрудничества от бренда? Но всё это было связано с работой.

А «просто так»? Я попыталась вспомнить что-то еще. Прогулки? Но я всегда ходила с телефоном в руке, высматривая ракурсы. Чашка кофе? Но её всегда нужно было сначала сфотографировать. Книга? Я почти перестала читать то, что не связано с трендами. Тишина? Но она всегда казалась мне зловещей, предвестником падения охватов.

— Ну — начала я, и голос мой прозвучал хрипло. — Иногда просто выспаться. Или вкусно поесть.

Это были жалкие, пустые слова, штампы. Я сама слышала их фальшь. Лев ничего не сказал. Просто ждал, но в его молчании не было давления.

— Сложный вопрос, — сдалась я наконец, глядя в боковое стекло.

— Ты не обязана на него отвечать, — сказал он мягко. — И про работу свою — тоже. Если не хочешь говорить, не говори. Это нормально.

Лев не стал настаивать, не стал копать глубже. Он просто принял моё молчание как факт. И в этом было больше уважения, чем в тысяче вопросов. Я сжала банку с молоком, чувствуя, как стекло холодит руку сквозь тряпицу. Вопрос, который он задал, остался висеть в воздухе, тихий и неотступный. И я понимала, что до тех пор, пока у меня не найдется на него честного ответа, я буду чувствовать себя здесь, в этом ковчеге со старыми книгами и простой человеческой добротой, чужой. Чужой самой себе.

8. «Давай попробуем, но есть одно условие». Лев.

Вечер опустился на дом тихо и постепенно, как мелкий, почти невесомый снег за окном. Я закончил править последнюю главу краеведческого очерка о гончарных промыслах — текст был изначально суховатый, так что пришлось повозиться вытягивая стиль. Затем я закрыл ноутбук и откинулся на спинку стула, чувствуя, как знакомая усталость от долгого сидения и напряжения глаз растекается по спине волной. Я потёр виски, где уже начинала пульсировать лёгкая головная боль — плата за часы, проведённые в работе. В доме стояла знакомая тишина, но сегодня, как и последние несколько дней, она ощущалась мной иначе. Не пустой и не одинокой, а словно наполненной тихим, ровным дыханием.

Всю вторую половину дня, после того, как мы вместе вернулись из поездки, я корпел над чужими предложениями. А сверху не доносилось ни звука. Ни шагов, ни музыки, только изредка — слабый, отдалённый скрип половиц, будто кто-то осторожно переворачивался на кровати. Роза заперлась в комнате сразу после обеда на скорую руку, и это её добровольное,

почти монашеское затворничество начинало меня слегка беспокоить. Не потому что я ждал от неё какого-то действия, развлечения или помощи, а потому что в этой абсолютной тишине чувствовалась та же неопределённость, что и в моём вопросе в фургончике.

Вопрос, на который она так и не смогла ответить, повис между нами невидимой, но осязаемой преградой. Я не сожалел, что задал его, но теперь чувствовал ответственность за ту тишину, что воцарилась после.

Я поднялся, потянулся, разминая затекшие мышцы спины и плеч, и услышал приятный хруст в позвоночнике. Выйдя из своей комнаты, я остановился в середине длинного коридора, прислушиваясь. Мотя, дремавший на верхней ступени лестницы, приоткрыл один глаз, следя за моими движениями с ленивым, полусонным интересом. Его рыжий бок мерно вздымался, а усы подрагивали в такт какому-то кошачьему сну. Я постоял, глядя на тёмный прямоугольник двери, но тишина была полной и безразличной. Чувство, что я могу нарушить что-то хрупкое, боролось во мне с простым человеческим побуждением – проверить, всё ли в порядке. Наконец, я сделал несколько шагов, стараясь ступать неслышно, и тихо, почти нерешительно, постучал костяшками пальцев в дверь её комнаты.

Секунду, другую ничего не происходило. Я уже собрался отойти, решив, что, возможно, Роза спит, но тут услышал лёгкие, быстрые шаги по доскам пола, затем сухой щелчок щеколды, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показалось её лицо. Роза выглянула. Волосы были собраны в небрежный, низкий хвост, из которого выбивались короткие, выщипанные пряди, а на щеке красовалась розовая помятость, небольшое пятно — след от подушки или от руки, на которую она опиралась, читая. В её каре-зелёных глазах мелькнуло лёгкое, мгновенное удивление.

— Что-то случилось? — спросила она тихо, и её голос был чуть осипшим от долгого молчания.

— Нет, всё в порядке, — поспешил я её успокоить, чувствуя неловкость от своего вторжения. — Просто подумал, может ты хочешь чаю? Я как раз собирался заварить. Или ты уже спать собираешься?

Она покачала головой, и тень улыбки, лёгкая и размытая, тронула её губы.

— Нет, не сплю и пока не собираюсь. Чай да, пожалуйста. Я спущусь через минутку.

Я кивнул, не найдя больше слов, и спустился вниз, чтобы поставить на плиту чайник со свистком. Его привычный, постепенно нарастающий гул стал первым звуком, нарушившим вечернюю тишину. Я достал не привычный иван-чай с чабрецом, а небольшую жестяную коробку с чем-то фруктово-ягодным, купленным когда-то «для гостей», которых у меня почти никогда не бывало.

Через несколько минут Роза появилась на кухне, босая, в моих полосатых носках, которые смешно болтались на её узкой ступне, и пристроилась на своём обычном стуле у стола. Мотя, почуяв возможность получить дополнительную порцию внимания, прыгнул с лестницы, грациозно выгнув спину дугой, потянулся и, подойдя, начал тереться о её ноги.

— Как провела остаток дня? — спросил я, насыпая душистую тёмно-бордовую заварку в маленький, прогретый кипятком заварник.

Она пожала плечами, одной рукой автоматически гладя кота за ухом, а другой подбирая непослушную прядь волос.

— Точно так же, как и вчераю Читала. Валялась. Думала. В общем, бездельничала по полной программе. Пыталась не чувствовать себя при этом виноватой. А ты? Закончил работу?

— Закончил, — кивнул я, наливая в её кружку крутую заварку. — Техники и экономические предпосылки гончарных промыслов XVIII века разобраны по полочкам, отредактированы и приведены к единому стилю. Теперь можно жить спокойно.

Я поставил на стол плоску с густым липовым мёдом, остатки хлеба и пару ложек. Мы сидели в тёплом, уютном круге света от старой лампы под зелёным абажуром, висящей над

столом, а за окном уже была непроглядная зимняя тьма, в которой лишь угадывались силуэты ближайших сосен.

Роза молчала, помешивая ложкой мёд в чае, и я видел, как на её лице, освещённом мягким светом, борются какие-то противоречивые мысли. Лоб был слегка нахмурен, губы поджаты. Наконец она подняла на меня взгляд, и в нём читалась решимость, смешанная с явной неловкостью.

— Слушай, Лев Мне как-то неловко вот так просто тут сидеть целыми днями, ничего не делать, пользоваться твоим гостеприимством. Ты меня приютил, кормишь, чаем поишь Я хочу как-то отплатить. Или хотя бы быть полезной. Не из чувства долга, а чтобы не чувствовать себя нахлебницей.

— Мы же уже это обсудили, — мягко возразил я, отхлёбывая свой чай, который оказался на удивление приятным. — Ты уже отплатила тем борщом. И компанией. Мне не одиноко с книгами, но живой разговор, даже такой тихий, это это иное.

Я старался аккуратно подбирать слова, не желая звучать сентиментально.

— Но я могу сделать больше, — настаивала она, и в её голосе появились нотки деловой уверенности, словно она переключалась в привычный режим. — Ты же у тебя есть этот фургончик, дело, которому ты служишь. А есть ли у тебя хоть какая-то страничка в соцсетях? Хотя бы самая простая? Инстаграм, ВКонтакте? Хоть что-то, где можно о тебе узнать?

Вопрос застал меня врасплох.

— Неожиданный поворот, — фыркнул я, не сдерживая лёгкой усмешки. — А зачем? Мне же, честно говоря, не нужна никакая реклама. Мои клиенты — они здесь, вокруг. Они не в инстаграме сидят, они воду из прорубей носят, дрова пилят, внуков нянчат. Они узнают обо мне от соседа, от тётки, из разговора у магазина. Это сарафанное радио, оно здесь работает надёжнее любого интернета. Да и нет у них интернета, по большей части, ни у кого.

— Но это же — Роза замялась, ища более убедительные аргументы, её пальцы теребили край свитера. — Это же не только про прямую рекламу сейчас. Это про связь. Про память. Про то, чтобы люди в принципе знали, что ты есть. Что есть такой человек, который возит книги по самым глухим местам. Кто-то из города, из того же райцентра, мог бы узнать и отдать тебе ненужные книги, которые дома пылятся. Или например, туристы, случайно наткнувшись, могли бы заказать что-то редкое, поддержать тебя. Это же дополнительный ресурс, канал. И кроме того, это просто красиво. Твоя история. Она заслуживает того, чтобы её знали.

Роза сделала паузу, и я видел, как она внутренне собирается с духом, переходя к главному.

— У меня же есть опыт в этом. Я профессионально занимаюсь ведением соцсетей. Блоггингом, если по-современному. Я могла бы сделать тебе красивые, качественные фото. Ну, на телефон, конечно, камеры у меня с собой нет, но я умею. Обработать, выстроить кадр, оформить страничку так, чтобы она дышала твоей атмосферой. Если всё получится, можно организовать всё так, чтобы люди сами писали, предлагали книги, задавали вопросы. Это же могло бы помочь? Разгрузить тебя, дать новые возможности?

Роза смотрела на меня с таким серьёзным, почти деловым выражением, в её глазах горел огонёк профессионала, предлагающего решение, что стало одновременно и смешно, и невероятно трогательно. Эта хрупкая, запутавшаяся девушка, сбежавшая от давления своего яркого, цифрового мира, теперь предлагала принести в мой тихий, аналоговый мир инструменты из своего. Я задумался, откинувшись на спинку стула. Идея, если отбросить первоначальный скепсис, не была лишена смысла. Время от времени и правда мне звонили знакомые и знакомые знакомых с вопросами — не возьму ли я библиотеку покойного деда или старые учебники. Но всегда — через третьи, пятые руки, по цепочке знакомств. Создать какую-то точку входа, витрину Это могло бы сэкономить время и силы. Да и её аргумент про «красиво» и «историю» задел что-то во мне, какую-то тихую, давно забытую струну.

— Интересная мысль, — признал я наконец, медленно кивая. — Действительно, практичная. Особенно про книги от горожан. У многих на антресолях, в гаражах целые собрания сочинений грустно стареют, выбросить рука не поднимается. Но — я посмотрел на неё пристально, желая быть абсолютно понятым. — Есть одно принципиальное условие.

— Какое? — насторожилась Роза, приподняв бровь.

— Я хочу, чтобы соцсети были оформлены только живыми фотографиями. Настоящими. Без фильтров, без приукрашиваний, без лакировки реальности. Показывай всё, как есть. Фургончик — старый, краска облупилась. Книги — потрёпанные, с пожелтевшими страницами. Дороги — разбитые, весной непролазные. Я сам позировать не горю желанием, во всяком случае лицом. Но если уж делать, то честно. Чтобы люди, которые увидят эту страницу, понимали, в какую реальность поедут их книги. И кому они попадут. Иначе это будет ложь. И мне с этой ложью будет не по себе. Согласна?

Она смотрела на меня несколько долгих секунд, и по её лицу, как по чистому листу, пробежала целая гамма чувств: сначала — мгновенное удивление и лёгкий протест профессионала, привыкшего «улучшать» реальность, затем — глубокое раздумье, и наконец — понимание и даже какое-то уважение.

— Согласна, — твёрдо сказала она, и в её голосе не было и тени сомнения. — Без фильтров. Только то, что есть. Живые краски, настоящие эмоции. Договорились.

9. «Ничего личного. Просто надсмотрщик». Роза.

На следующее утро мы снова выезжали вместе, но настроение в машине было уже иным — деловым, сосредоточенным, наполненным тихим азартом общего начинания. Я взяла с собой телефон, который получилось оживить купленной вчера зарядкой, и собиралась собрать «живой материал», почувствовать ритм жизни Льва.

День выдался на редкость ясным и морозным, солнце, ещё невысокое, слепило глаза, отражаясь миллиардами алмазных искр от белоснежного, нетронутого поля, по краю которого мы ехали. В салоне, как и вчера, густо пахло кофе из термоса, бензином, старыми кожаными сиденьями и, конечно, бумагой — той особенной, сладковато-пыльной смесью старых переплётов.

Первая остановка — деревня Сартолово. Пока Лев разгружал стопку заказанных заранее книг для местной библиотечки-передвижки, ютившейся в тесной комнатке сельского клуба, я, не дожидаясь приглашения, вышла из фургончика. Я видела, что Лев косится на меня краем глаз, и не стала его смущать. Поежилась от холода, а затем присела на корточки, чтобы поймать интересный ракурс: зелёный бок фургона с выцветшей надписью «Старая книга», колесо, чуть утопающее в рыхлом, глубоком снегу у обочины. Потом телефон плавно поднялся и поймал длинные сосульки, свисающие с края крыши, как хрустальные копья, руки Льва в грубых рабочих перчатках, которые вытаскивали из кузова картонную коробку, перевязанную бечёвкой. Я делала это быстро, почти незаметно, не мешая процессу, не прося его «замереть» или «посмотреть сюда». Просто ловила моменты, из которых и состоит его работа.

В ещё одной деревне, пока Лев помогал одному сухопарому деду Василию занести в сени тяжеленный мешок с крупой, который тот купил в магазине, но не смог донести из-за большой спины, я сняла еще несколько выразительных кадров. Как он, согнувшись под непривычной тяжестью, идет по узкой, протоптанной в сугробе тропинке, стараясь не поскользнуться. Как дед, уже в полутьме сеней, суёт ему в карман куртки помятую пачку дешёвых чайных пакетиков. Его рука — крупная, узловатая, в синих прожилках — и Льва, принимающая этот простой дар.

— На, вот, возьми.

— Да зачем, отец?

— Бери-бери, выпьешь, вспомнишь старика, — ухмыльнулся Василий.

Это не было постановкой, не было инсценировкой «доброты». Это была сама жизнь в её не особенно фотогеничной, но абсолютно настоящей, не приукрашенной сути. Я стояла чуть поодаль и решила снять на видео их короткий разговор — не лица крупным планом, а общий план: покосившееся крыльцо, две фигуры на фоне ослепительно белого снега, густые клубы пара, вырывающиеся изо рта на морозном воздухе. Дед Василий, заметив камеру, нахмурился было, приняв суровый вид, но я по-свойски улыбнулась ему и протараторила:

— Это для памяти, дедушка.

И дед, буркнув что-то неразборчивое про «молодёжь и их штучки», махнул рукой и скрылся в тёмном проёме двери, но, кажется, без злобы.

Когда мы тронулись дальше, я прямо на ходу листала отснятое, пока меня не осенило:

— А можно я сниму тебя за рулём? Только твои руки и дорогу впереди? Без лица.

Лев кивнул, и я пристроилась на своём месте так, чтобы в кадр не попало его отражение в боковом стекле, и сняла короткий, но удивительно атмосферный ролик: его пальцы в поношенных кожаных перчатках лежат на шершавом ободе руля; за заиндевевшим по краям лобовым стеклом убегает вперёд заснеженная дорога-лента, теряясь в белой дымке между сходящимися стенами тёмного, молчаливого леса. В салоне было тихо, только низкий, ровный рокот двигателя и едва слышное шуршание шин по снегу. Это были не кадры для идеальной

ленты. Это были кусочки правды. И в этом была особая, тихая красота, которой я раньше не замечала, потому что всегда гналась за глянцевым совершенством.

На обратном пути, когда солнце уже стояло высоко над верхушкам сосен, Лев неожиданно свернул с основной дороги на едва заметную тропу. Фургончик, поскрипывая, проехал метров сто и остановился на маленькой поляне.

— Давай выйдем и немного прогуляемся? — предложил он, выключая двигатель. — Здесь воздух другой. И тишина.

Я кивнула, не спрашивая, зачем. После стольких часов в кабине тело просило движения, а голова — свежего ветра. Мы вышли. Морозный воздух обжёг лёгкие, чистый и острый, как лезвие. И наступила тишина. Не та, что в доме, а всепоглощающая тишина зимнего леса. Ни ветра, ни птиц. Только собственный пульс в ушах и иногда — глухой, отдалённый треск замёрзшего дерева. Снег под ногами был глубоким, пушистым, он сухо похрустывал на каждом шагу. Сосны стояли молчаливыми гигантами, их лапы сгибались под тяжестью снежных шапок.

Мы шли молча и просто дышали. Я шагала за Львом, повторяя его следы, и чувствовала, как вымышенная пружина, долго сжимавшая меня изнутри, начинает понемногу разжиматься. Медленно, болезненно, как оттаивание после мороза, вот такой вот каламбур. И в этой тишине, под взглядом этих древних деревьев, все мои тщательно выстроенные защиты вдруг показались такими ненужными.

Я не знаю, что стало спусковым крючком. Может, слишком долгое молчание. Может, вид спокойной мужской спины впереди. Может, этот бескрайний, безразличный и в то же время принимающий лес. Но слова вырвались сами, тихо, но нарушив хрустальную тишину.

— Я не говорила, но вообще я веду блог. В тиктоке. Это не просто хобби, а полноценная работа, понимаешь? У меня пол миллиона подписчиков.

Лев не обернулся, не остановился. Он просто продолжал идти, как будто я сказала, что идёт снег. Только его шаг замедлился едва заметно.

— И я сбежала, — продолжила я, и голос, к моему ужасу, начал дрожать. Я пыталась сдержаться, но не вышло. — Сейчас там, наверное, настоящий шторм. Мой продюсер, Артём он, скорее всего, с ума сходит. А все эти люди, подписчики они ждут контента. Новых видео каждый день. Новых улыбок. А я не могу. Я больше не могу улыбаться. Я больше не могу придумывать эту идеальную жизнь, которой у меня нет. Я устала. Так устала, что иногда мне кажется, я просто рассыплюсь в пыль.

Я замолчала, давясь комом в горле. Предательские слёзы выступили на глазах и тут же начали леденеть на ресницах. Я остановилась, уткнувшись взглядом в снег у своих ног.

Лев остановился тоже. Он повернулся ко мне. Его лицо в синем свете леса было спокойным. Не испуганным, не осуждающим, не жалеющим. Просто присутствующим. Он не сделал шага ко мне, не попытался обнять — просто дал мне время, пространство, чтобы выговориться.

— Я всё время ощущаю, что должна что-то доказывать, — прошептала я. — Алгоритмам. Подписчикам. Брендам, с которыми сотрудничаю. Артему. Себе самой. Что я недостаточно хороша. Что я недостаточно интересна. Что моя жизнь недостаточно яркая, чтобы другие захотели на неё смотреть. Тем более, что внутри внутри пустота. И паника. Постоянная, тихая паника, что всё вот-вот рухнет. Что меня разоблачат. Что увидят, какая я на самом деле скучная, уставшая, пустая.

Последнее слово повисло в морозном воздухе, вместе с паром от моего дыхания. Я стояла, сгорбившись, и ждала. Ждала его вопросов. Его совета. Его осуждения. Хоть чего-нибудь.

Но Лев просто смотрел на меня своими серо-зелёными глазами, в которых отражалось зимнее небо и тёмные стволы сосен. Потом он тихо сказал:

— Должно быть, это очень тяжело. Невыносимо тяжело. Спасибо, что рассказала.

И всё. Никаких «возьми себя в руки». Никаких «отвлекись, найди себе хобби» или «съезди в отпуск». Просто признание моей правды. Лев не отрицал её, не пытался сразу же

заткнуть дырку депрессии чем-то позитивным. Он дал ей возможность быть. И в этот момент во мне что-то надломилось, но не с болью, а с облегчением. Как будто я наконец выдохнула воздух, который держала в лёгких месяцами.

Мы постояли так ещё минуту. Потом Лев медленно повернулся и пошёл дальше по тропе, давая мне время прийти в себя. Я, вытирая лицо перчатками, пошла за ним. Тело было лёгким, словно я сбросила невидимый, но невероятно тяжёлый рюкзак.

Через некоторое время, когда мы уже вышли на окраину поляны, откуда был виден наш фургончик, Лев нейтрально уточнил, не оборачиваясь:

— Так вы с этим Артемом?..

Я поняла, о чём он, но все равно переспросила:

— А что?

— Да просто чтобы понять картину в целом.

Он пожал плечами, и я не стала колебаться:

— Нет, — ответила я твёрдо. — У нас деловые отношения. Он — мой продюсер. Иногда кажется, что и надсмотрщик. Но ничего больше. Да и никогда не было.

Лев кивнул, видимо, сложив для себя пазл моего бегства. Мы дошли до фургончика в комфортной тишине. Он открыл мне дверь, и когда я забиралась на сиденье, его рука на мгновение сжала мне локоть. Просто чтобы поддержать, но все же... Это было нежное, почти незаметное движение, и в нём было больше понимания и тепла, чем в любых громких словах утешения.

Лев завёл двигатель, и мы поехали домой. Я смотрела в боковое окно на убегающий лес, и внутри, на месте ледяной пустоты, впервые за долгое время появилось что-то вроде тихого, неуверенного покоя.

Я рассказала. И меня не осудили, а услышали. Это было так просто и так невероятно сложно одновременно.

10. «У тебя мука на щеке». Лев.

Когда мы вернулись домой, я чувствовал странную, новую для себя усталость — не физическую, хотя тело и ныло от тряски и холода, а какую-то эмоциональную. Сегодня я неожиданно для себя стал объектом чьего-то внимательного, но абсолютно ненавязчивого взгляда. И в этом не было ничего неприятного. Было даже интересно. Как будто я увидел знакомый маршрут в новом свете, буквально.

Пока я растапливал печь, с наслаждением бросая в ненасытную жёлтую пасть сухие поленья, Роза сидела за столом, уткнувшись в экран телефона, её пальцы быстро и уверенно двигались по стеклу, увеличивая и кадрируя.

— Обрабатываешь? — спросил я, присаживаясь на корточки перед открытой топкой, чтобы почувствовать первый жар. — Мы же договаривались!

— Немного. Только свет, контраст, баланс белого. Чтобы было видно именно то, что снималось, но чуть чётче. В остальном — все, как ты и просил. Без фильтров, без фальши, — она взглянула на меня через стол, и в её глазах горел сосредоточенный, творческий огонёк. — Хочешь посмотреть? Есть уже несколько готовых фотографий.

Я подошёл, вытирая о джинсы испачканные в саже руки, и сел рядом. Она протянула мне телефон, и Я наклонился, чтобы рассмотреть. Старый, покрытый инеем фургон на фоне бескрайнего снежного поля. Мои руки в перчатках, вцепившиеся в картонную коробку. Дорога сквозь лобовое стекло. Силуэты рас с дедом Василием у крыльца.

— Неплохо, — сказал я наконец, отрывая взгляд от экрана и глядя прямо на неё. — Очень правдиво. По-настоящему. Видно, что моя жизнь — вот такая.

Роза торжествующе улыбнулась, и в этой улыбке было не столько удовлетворение от удачно выполненной работы, сколько глубокая радость от того, что она справилась.

— Значит, будем делать страничку? — хитро спросила она, по всей видимости уже практически не сомневаясь в моем ответе.

— Будем, — твёрдо кивнул я, чувствуя, как во мне рождается азарт от этого нового проекта. — Завтра подумаем над названием. И над первыми словами.

Мотя, почувствовав, что глупые люди окончательно отвлеклись от его драгоценной персоны, запрыгнул ко мне на колени, устроился поудобнее, свернувшись тёплым, тяжёлым калачиком, и завёл своё громкое мурлыканье, будто одобряя это новое начинание.

После обеда мы с Розой уже привычно разошлись по своим комнатам. Я погрузился в работу, не слыша и не видя ничего вокруг. До тех пор, пока в глазах не начало рябить от строчек текста. Я откинулся на спинку стула, потирая переносицу. За окном стемнело, и тишина вечера была густой и тёплой, как плед, наброшенный на плечи после долгого дня на морозе. В дверь постучали.

— Извини, что отвлекаю — В проёме возникла Роза. — Ты скоро закончишь?

Она стояла, чуть склонив голову набок, а поверх её обычной одежды был надет один из моих старых фартуков — синий, в мелкий белый горошек, который когда-то носила бабушка.

Я посмотрел на экран, на унылые строчки, и махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— В принципе, уже всё. Чай?

Она сделала маленький шаг назад, и я уловил сладковатый запах ванили и сливочного масла, шедший, кажется, прямо от неё.

— Ну, пока ты был занят, я немного покопалась на кухне. Нашла муку, сахар. Решила попробовать испечь печенье. И подумала, что если ты не против, можешь присоединиться? Просто чтобы вместе. А то я тут одна как-то

Да. Одиночество в чужом доме, даже тихое и безопасное, к вечеру могло становиться гнетущим. А запах теста он был таким домашним, что сопротивляться было просто глупо. Я улыbnулся, чувствуя, как тяжёлые мысли о работе начинают отступать.

— Печенье — это серьёзный аргумент, — сказал я, вставая и потягиваясь. — Только дай секунду сохранить всё это безобразиие.

Я щёлкнул мышкой, заглушив ноутбук, и последовал за ней на кухню. А там на столе стояла миска, накрытая полиэтиленом, а в ней лежало уже готовое тесто. Рядом расположились скалка и небольшая плошка со взбитым яйцом для смазки. В воздухе витал тот самый волшебный аромат — ванили, масла, тёплой муки. Мотя уже устроился на своём наблюдательном посту на стуле, с явным интересом следя за приготовлениями.

— Я уже всё замесила, — немного застенчиво пояснила Роза. — Осталось раскатать и вырезать. Только формочек я не нашла.

— Вот уж чего нет, того нет, — подтвердил я. — Даже и не помню, когда тут в последний раз пекли печенье. И пекли ли вообще. Наверное, это ещё при бабушке было.

— Это её дом, да?

— Да, она тут почти все время жила. А после ее смерти мы как дачу его больше использовали, на лето приезжали. Ну а потом я вот, сбежал от цивилизации — Я рассказывал, а сам тем временем осматривал кухонные шкафы. — Формочек и правда нет, давай просто кружкой круги нарежем?

— Давай, — обрадовалась Роза. — Отличная идея! И как я сама не додумалась.

— Отлично. Тогда я беру на себя мужскую часть работы — раскатывание, — предложил я, тщательно вымыв руки.

Я взял скалку, она посыпала стол мукой, и я принялся раскатывать пласт теста. Оно было послушным, мягким, приятно холодным под ладонями.

— Над чем сегодня работал? — поинтересовалась Роза.

— Да как тебе сказать, — замаялся я. — Сегодня у меня была не совсем работа

Рассказывать про свой тайный проект было страшновато. Но с другой стороны, такая уж ли это тайна?

— Скорее хобби, — решил все же признаться я. — Я затеял один проект. Хочу издать небольшой сборник «уютных» рассказов о простых вещах — о первом снеге, о запахе хлеба, о случайных встречах, прямо как у нас с тобой. Ну знаешь, плох тот редактор, который не хочет стать писателем.

Я усмехнулся.

— Впрочем, главная идея в том, что этот сборник — благотворительный. Выручку с продажи — всю, до копейки — я собираюсь направить в фонд, который помогает одиноким пожилым людям в нашей области. Книга уже свёрстана, есть даже обложка, я договорился с маленьким местным издательством о печати. Сделал предзаказ на краудфандинговой платформе.

Я замолчал, и моё молчание само всё сказало.

— Звучит очень здорово! — воселикнула Роза, её глаза загорелись. — И что теперь?

— Пока ничего, — горько признал я. — Покупок — штук двадцать, в основном друзья и знакомые. До минимального тиража, чтобы печать была хоть как-то оправдана, — как до Луны. Кажется, проект обречён. А я так на него надеялся. Это было бы что-то настоящее.

Я рассказывал и чувствовал, как нарастает привычное раздражение на себя: за наивность, за идеализм, за неумение «продать» даже то, во что веришь.

— Да, жалко. Хорошее дело, — вздохнула Роза. — Может ещё все наладится?

— Может. Но вряд ли. Книжный бизнес довольно жестокий.

Разговор постепенно сошел на нет. Дальше мы работали молча, в едином, ровном ритме: я раскатывал, она, присев на корточки, чтобы быть на одном уровне со столом, аккуратно выре-

зала кружочки и складывала их на противень, застеленный пергаментом. Тишину нарушало только постукивание стакана по тесту и довольное мурлыканье Моти.

Когда Роза в очередной раз наклонилась, чтобы подцепить особенно упрямый кусочек теста, прядь её каштановых волос выскользнула из небрежного пучка и упала на щёку. Она, не глядя, машинально попыталась откинуть её тыльной стороной ладони, но та была в муке. На её левой щеке, прямо под скулой, осталось аккуратное белое пятнышко. Она этого не заметила, продолжая вырезать кружки с видом величайшей концентрации.

Я замер, наблюдая за ней, а затем отложил скалку.

— Подожди секунду, — тихо сказал я.

Роза подняла на меня вопросительный взгляд. Я взял кухонное полотенце, смочил его край водой из стакана и протянул ей.

— У тебя мука. На щеке.

Она удивлённо моргнула, потом, посмотрев на своё отражение в тёмном окне, смущённо рассмеялась.

— Ой, глупость какая!

Она взяла полотенце и стала вытирать щёку, но сделала это неловко, лишь размазав пятно.

— Давай я. — Я и сам не понял, что заставляет меня протягивать руку. Она замерла. Я взял тряпицу и очень осторожно, кончиками пальцев, едва касаясь её кожи, стёр белый след. Мы оба затаили дыхание. А затем я быстро убрал руку, как будто обжёгся.

— Спасибо, — прошептала Роза, отводя глаза, и на её щеке выступил лёгкий румянец.

Чтобы разрядить атмосферу, я снова взялся за скалку, но она меня опередила.

— Ты говорил, что работал в университете? — осторожно сказала она, возвращаясь к вырезанию, но теперь её движения стали более медленными, внимательными.

— Да, — кивнул я, и в голосе невольно появилась привычная горечь. — Работал. И не просто работал — горел этим. Филология, лингвистика Это был целый мир. Но потом пришлось уйти.

Я сделал паузу, выбирая слова. Как рассказать о предательстве, не вдаваясь в грязные подробности? Да и стоит ли вообще открывать душу?

— Не всё бывает так гладко в академической среде, как кажется со стороны. Оказывается, чтобы заниматься наукой, иногда нужно перестать быть учёным. Перестать быть честным. С самим собой. Или с другими.

Я чувствовал, как взгляд Розы прикипел ко мне, полный неподдельного интереса и сочувствия.

— Это из-за людей? — тихо спросила она.

— Из-за одного человека, в основном, — вырвалось у меня, и я сразу же пожалел о сказанном, но было уже поздно. — И из-за системы, которая таких людей поощряет.

Роза молчала, давая мне возможность продолжить или замолчать. Я выбрал последнее. Мысли об Алисе снова полезли в голову, болезненные и беспощадные. Я с силой раскатал последний кусок теста.

Роза, видимо, почувствовав напряжение, решила на вопрос. Её голос прозвучал ещё тише, почти шёпотом:

— А тот человек это была девушка?

Вопрос повис в воздухе. Я взглянул на Розу и увидел, что и она уже сама сожалеет о своей прямоте. Я не стал сердиться. Почему-то именно с ней я не хотел сердиться.

— Да, — коротко ответил я, и моё лицо, должно быть, стало непроницаемым, потому что Роза тут же потупилась. — Но это было давно. И не только в этом дело. Просто в какой-то момент ты понимаешь, что играешь не по своим правилам, и единственный способ сохранить себя — выйти из игры. Совсем.

Я понимал, как мысли Розы принимают романтическое направление. Вероятнее всего, она представляла себе историю любви и предательства, и отчасти она была права. Но я не хотел, чтобы жалость стала тем мостиком, что соединяет нас сейчас. Я резко перевёл тему, указывая скалкой на противень, уже почти заполненный кругляшками печенья.

— Смотри, кажется, мы закончили.

Роза осторожно положила последнее печенье на противень и отправила его в духовку. Вскоре весь дом наполнился умопомрачительным ароматом, а ещё через полчаса мы пили чай с ещё тёплыми, хрустящими по краям и мягкими внутри кружочками. Разговор стал более общим, более безопасным — о книгах, о впечатлениях от сегодняшних поездок. Но под всеми этими словами теперь жило что-то новое — наш обмен секретами, который создавал между нами новую, невидимую, но прочную связь.

Когда чай был допит, а печенье съедено (Мотя получил свой маленький, специально для него остывший кусочек), мы стали расходиться. Роза помыла посуду, я вытер стол, а затем наступила та самая, неловкая пауза. Мы стояли в дверном проёме между кухней и прихожей. Роза, всё ещё в моём фартуке, сняла его и протянула мне.

— Спасибо за компанию. И за рассказ.

— Это тебе спасибо за печенье. И что выслушала, — ответил я, принимая фартук.

Наши пальцы ненадолго соприкоснулись. Она не отдернула руку сразу. Мы стояли так, в полумраке прихожей, и тишина вокруг наэлектризовалась, стала плотной, почти осязаемой. Мне судился в её взгляде какой-то вопрос, какое-то смутное ожидание. Мне вдруг страшно захотелось протянуть руку и снова коснуться её щеки, уже без муки, просто чтобы убедиться, что она реальна, что всё это не сон. Но я не посмел. Слишком свежи были воспоминания о другом предательстве, слишком хрупким казалось это новое, зарождающееся между нами понимание.

— Спокойной ночи, Роза, — наконец выдавил я.

— Спокойной ночи, Лев, — ответила она, и её шёпот был как дуновение ветра.

Она развернулась и быстро, почти бесшумно, скрылась на лестнице, ведущей наверх. Я слышал, как щёлкнула щеколда в её комнате, а сам остался стоять в темноте, сжимая в руках мягкую ткань фартука, ещё хранящую запах печенья, пока Мотя, не мякнул, возвращая меня к реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.